

АЛЕКСАНДР РОМАНОВСКИЙ

**ЦВЕТ ЯРОСТИ –
АЛЫЙ**

Ярость

Александр Романовский

Цвет ярости – алый

«Романовский Александр Георгиевич»

2004

Романовский А. Г.

Цвет ярости – алый / А. Г. Романовский — «Романовский Александр Георгиевич», 2004 — (Ярость)

ISBN 5-93556-353-3

«...Три дня были заполнены томительным ожиданием. Волк ел, спал и упражнялся в Яме. Вокруг же не происходило ничего особенного. Все как обычно. Ничто в поведении обитателей Подворья не говорило о том, что близятся некие события... Для них, впрочем, это могло быть в порядке вещей, но Страйкеру гладиаторские бои все еще казались чем-то нереальным, воплощением иллюзорных образов голографического проектора. Здесь, посреди Мегалополиса...»

ISBN 5-93556-353-3

© Романовский А. Г., 2004

© Романовский Александр
Георгиевич, 2004

Александр Романовский

Цвет ярости – алый

«...А все-таки они возвращаются к своему первоначальному виду. Как только я оставляю их, зверь начинает выползать, снова проявлять себя... – прибавил он после продолжительного молчания...»
Герберт Уэллс, «Остров доктора Моро».

Три дня были заполнены томительным ожиданием.

Волк ел, спал и упражнялся в Яме. Вокруг же не происходило ничего особенного. Все как обычно. Ничто в поведении обитателей Подворья не говорило о том, что близятся некие события... Для них, впрочем, это могло быть в порядке вещей, но Страйкеру гладиаторские бои все еще казались чем-то нереальным, воплощением иллюзорных образов голографического проектора. Здесь, посреди Мегалополиса...

Грохот стали.

Кровь на песке.

Истеричные вопли толпы: «Убей, убей!..»

Представить это себе было и впрямь непросто. Тренировки казались чем-то вроде игры, и все же это было очень серьезно... Хэнк Таран говорил об этом при каждом удобном случае. И в то же время избегал всякой конкретики. Слова, прозвучавшие в камере Волка, были единственными, содержащими какую-либо информацию касательно боя... Но определение «скоро» можно было тянуть во все стороны, словно кусок тонкой резины. Под ним уже выступали обнаженные вены...

Спрашивать, конечно, Страйкер не смог бы и под пыткой, – которая, собственно, не прекращалась ни на секунду. Это означало бы вступить с тюремщиками в вербальный контакт, в то время как молчание – золото – становилось для Курта близким другом.

Снаружи не происходило ничего особенного, но внутри Волка шел скрытый, напряженный процесс. Избежать боя не было ни малейшей возможности – это следовало принять за аксиому. С одной стороны Курт не желал предстоящего боя, но в то же время стремился к нему /словно ребенок, идущий на шалость с незамутненным осознанием факта, что уйти от кары никак не удастся/. Страйкер слишком долго сдерживал ярость и боль. Они пылали внутри нержавеющей сосуда души – яд и кислота. Собственно, им не позволяли вырваться наружу – Таран раз за разом подтверждал практические навыки тонкого психолога. Курту уже продолжительное время хотелось кого-то убить, разорвать убудка голыми лапами. Вернее, Волк отлично знал, КОГО именно. Но эту мощь при должной сноровке следовало обратить в ту сторону, какую целесообразно... И Таран обладал такой сноровкой.

Курта держали в неведении до самого последнего дня – как узника, приговоренного к казни.

А потом настал тот самый день.

Утро началось как обычно; Волку подали завтрак. На сей раз он был куда более скуден, нежели во все предыдущие дни. Курт удивился, но виду не подал. Трапеза состояла из трех поджаренных яиц, тоста, куска ветчины и кружки чая. Вполне достаточно, чтобы взрослый Волк мог заморить червячка, и отнюдь не так много, чтобы ощущать в желудке медлительную тяжесть. Это, конечно, был первый признак. Обычно Курта кормили до отвала – чтобы тот не проявлял на тренировках излишнюю прыть. Сегодня, очевидно, был иной случай. Это витало в воздухе.

За пустыми тарелками никто не вернулся. Это также было странно. Волку не оставалось ничего другого, кроме как сидеть на кровати и ждать. У него было плохое предчувствие – не для него лично, а для кого-то еще – в котором злобно выла, чавкала сталь. Кто-то скоро

умет, очень скоро... Когтистые пальцы время от времени сжимались и разжимались. Им так не терпелось вцепиться в чью-то глотку...

Вскоре Курт почувствовал, что где-то на поверхности началась невнятная возня. Вне сомнения, сейчас там собралось немало людей. Они переступали ногами и что-то скандировали. Однако, над потолком находилось чересчур много земляных масс, чтобы сквозь них смогла проскользнуть хотя бы одна заваливающая акустическая волна. Не было также ни запахов, ни, разумеется, визуальных образов. И все-таки Страйкер более-менее представлял, что в данный момент происходит на поверхности.

Он поднял голову и поворачивал к потолку попеременно то левое ухо, то правое. Строго говоря, в этом не было нужды, но привычка брала свое. Волк сидел и старался даже не дышать. Он улавливал вибрации стен и пола под голыми подошвами ног. Камни едва заметно резонировали, но уловить это мог бы далеко не каждый (при помощи, разумеется, органов чувств, данных с рождения, а не на столе хирурга-имплантолога) – а вернее, только тот, часть ДНК которого была не вполне человеческой (отвечая при этом за волосяной покров, когти, зубы, а также кое-что другое).

Не составляло особого труда догадаться, что именно там происходит – на далекой поверхности. Таран выпустил вперед своих гладиаторов, оставив Волка, так сказать, «на десерт». Хотя, естественно, это была просто метафора. Закусить должен сам Страйкер. Он же являлся «гвоздем программы», что, как рассчитывалось, приколотит чью-то крышку гроба.

Само присутствие Волка в обители Тарана скрывалось так тщательно, как будто речь шла о секрете государственной важности. Не так давно, собственно, так и являлось. Но не теперь, когда истребление Волчьего Племена было официально прекращено Правительством. Для Хэнка же, впрочем, все осталось по-прежнему. Он берег свой секрет, как зеницу ока (или, как уместнее было бы сказать, как промышленный магнат бережет ноу-хау). Страйкер, по представлению Тарана, был предназначен исключительно для того, чтобы заработать денег. И чем дольше его присутствие хранилось в секрете, тем лучше. Однако, Курт отлично понимал, что все это – просто теория. В его пленении было задействовано слишком много народу. Одних Хэнк мог запугать, других подкупить, однако заткнуть рты ВСЕМ было просто невозможно. Особенно в той специфической социально-территориальной структуре, какой являлся Клоповник. Тот же Хью, небезызвестный подрядчик наемных убийц, наверняка успел разболтать секрет Тарана доброй половине знакомых (разумеется, за скромную плату). Тем не менее, главной цели Хэнк добился. Большинство из тех, кто пришел на его представление, даже не подозревают о Курте. Небольшой мохнатый секрет весом в какие-то восемьдесят килограммов.

Волк в мешке.

Наконец по лестнице загрохотали шаги. Шли четверо, – будто стадо слонов. Нож и Топор вошли первыми. Прозвищ двух других Курт не знал, однако они также красовались в черных кожаных безрукавках. Нож тащил какую-то коричневую тряпку; Топор многозначительно помахивал серебристой цепочкой, к которой крепился пульт управления. Стоило Страйкеру это заметить, как что-то внутри него недовольно растопырило шипы. Этот дикобраз, вероятно, имел много общего с условным рефлексом, сколь бы Волку ни было неприятно ассоциировать себя с собакой Павлова.

Не вставая с кровати, Курт наблюдал, как Нож пропихивает коричневую тряпку в щель между решеткой и полом, куда обычно ставили поднос с очередной кормежкой.

Поднявшись на ноги, безволосый поспешно отошел.

– Возьми, – обратился он к узнику, кивнув на тряпку. – Это для тебя.

Страйкеру и самому стало любопытно. С того самого времени, как он оказался в заключении на Подворье Тарана, ему не давали одежды, за исключением чистых трусов (за гигиеной здесь следили; Хэнк придирчиво замерял, претерпела ли мускулатура «волчонка» изменения после многодневных тренировок). Это отнюдь не являлось источником каких-либо серьезных

затруднений, – температура под Куполом всегда держалась в пределах комнатной, в камере же неустанно трудились обогреватели. Но коричневая тряпка, принесенная Ножом, менее всего походила на то, что привык носить Страйкер – когда-то давно, еще в прошлой жизни... Как бы там ни было, любопытство подвигло его оторвать зад от стойки и пройти к решетке.

Он нагнулся и поднял темно-коричневую штуку с пола. По мере процесса становилось очевидным, что «тряпкой» вещь отнюдь не являлась. Напротив, это был добротный, надежно сшитый... балахон с капюшоном. Такие хламиды носили в старых фильмах монахи-бенедиктинцы. Остроконечный капюшон был такой глубины, что, казалось, его нижний край опустится Волку на грудь. Длина же всего облачения предполагала, что полы будут мести пол, скрывая ноги (или, что вероятнее, ЛАПЫ идущего) до самых пальцев. Широленные рукава обладали этим же свойством. В общем и целом, впечатление было весьма неоднозначное. Весьма и весьма.

Метафора о Волке в мешке обростала деталями.

Курт тряхнул балахон, озадаченно качая головой. Хотелось бы ему поглядеть на того гиганта, для которого предназначалась эта штукovina. Но, впрочем, могло выйти и так, что Таран сшил одеяние своими руками, руководствуясь собственным же вкусом.

Безволосые, ухмыляясь, глядели через решетку.

– Чего смотришь?.. – буркнул Нож. – Надевай давай. Шеф сказал, что тебе очень понравится. Ваш брат ведь любил всякие капюшончики, чтобы морды не было видно...

Тут он не ошибся. Всю свою жизнь, появляясь на поверхности, Страйкер натягивал на голову капюшон спортивной куртки. Но зачем Тарану это понадобилось сейчас?..

Не говоря ни слова, Курт расправил одеяние. В отличие от традиционных монашеских облачений, эта «ряса» имела разрез почти до самого горла. Тот стягивался при помощи металлических крючков. Расстегнуть их не составляло труда – в какие-то доли секунды. Затем, как предполагалось, балахон должен упасть к ногам под собственным весом. Во всяком случае, Страйкер так подумал. У него появилось чувство, что его отправляли на показ мод или театральное представление, а не туда, где лилась кровь и гремели мечи. И все же спорить было глупо, да и не имело особого смысла.

Волк надел балахон и застегнул все крючки. Ловкие когтистые пальцы без труда справились с этой задачей.

– Теперь вот это, – сказал Нож.

Он протянул руку себе за спину, и отцепил от пояса длинную цепь. Затем направился к решетке и опустил находку между прутьев на пол камеры. Курт, не двигаясь, смотрел на толстые звенья. Сперва на него натянули этот дурацкий балахон, теперь вот это...

Тем не менее, звук от удара цепи об пол был совсем не таким, какой издает металл, соприкоснувшись с гладкой твердой поверхностью. Но каждое звено отблескивало холодной металлической изморозью. Волк не привык сомневаться в собственном слухе, а также, впрочем, в зрении. Тем интереснее ему показалась загадка.

Курт подошел ближе и поднял цепь. На поверку та оказалась почти невесомой – во всяком случае, относительно с металлом. На обоих концах располагались широкие кольца, аккурат для запястий. Но без всяких замков или чего-либо еще, что смогло бы зафиксировать руку. Озадаченный Волк поднял цепь к глазам и потянул в разные стороны.

– Осторожнее! – воскликнул Нож. – Это дорогой материал!..

Но Курт уже понял, что звенья почти исчерпали предел прочности, хотя для Волка усилие было самым незначительным. Еще немного, и цепь разлетится на части. Более всего материал напоминал пластмассу, или какой-то хрупкий пластик. Цена его, судя по всему, была высокой оттого, что ставить столь хрупкий продукт на поточное производство было нецелесообразно. Цепь изготовили на заказ, выкрасив для убедительности краской «металлик», и местами – желтыми разводами ржавчины.

– А теперь надевай, – сказал Топор. – Шеф сказал, это придаст представлению оттенки театральности. Только, смотри, не сломай прежде срока. Шеф подаст знак, когда тот настанет...

Страйкер повертел цепь в лапах. Та выглядела вполне натурально, а издали могла запросто сойти за настоящую. Вот только Курту совсем не нравилось, что на него, будто на породистого пуделя, стремились навешать цепочек и бантиков. Даже сам Павлов, и тот не издевался так над своими подопытными... Таран же, судя по всему, возомнил себя Станиславским.

Споры и возражения смысла по-прежнему не обрели. И потом, Страйкер не особо пытался таковой отыскать. Ему и самому было интересно, что задумал хитрый безволосый...

Однако, дало о себе знать природное упрямство.

– А что, если нет?..

Нож и Топор переглянулись. Двое других безволосых вовсю таращились на Волка, – они впервые оказались так близко к нему, да и вообще в подземной камере.

– В смысле? – не понял Топор.

– Не одену эту бижутерию, – пояснил Волк. – Что тогда? Сомневаюсь, что Таран дал добро травить меня током – перед самым-то боем. Что дальше?.. Желаете собственноручно надеть на меня эту штуковину? – Курт тряхнул цепь, как пленник замка Иф. – Прошу.

Безволосые вновь обменялись озадаченными взглядами. Топор подкинул пульт управления на ладони, но не притронулся к клавишам. Ситуация была далека от предписаний «шефа», позволявшими использовать электрошок именно сегодня. Но в то же время, пленник отказывался подчиняться приказу, которому Таран придавал такое значение.

Страйкер, усмехнувшись, избавил увальней от необходимости решать эту дилемму. Так чайник убирают с огня, дабы не отвалился носик...

– Ладно, – буркнул он. – Чего уж там...

Он просунул лапы в кольца на цепи. И, стараясь, чтобы те не спали с него при каком-нибудь неосторожном движении, натянул на голову капюшон. В нем обнаружили два тонких разреза, аккурат против глаз. Если постараться, через эти захудалые оконца можно было относительно четко воспринимать внешний мир (во всяком случае, его визуальные проявления, потому как звуки и запахи на протяжении всей жизни давали Волку куда более полную картину). При этом не придется надеяться на периферийное зрение, а о происходящем за спиной можно будет только догадываться.

Как бы там ни было, внешне его облачение, по-видимому, представлялось довольно экстравагантным. Длинный балахон, волочащийся по полу, с высоким капюшоном и длинными рукавами... Плюс – мрачного вида цепь, болтающаяся на уровне гениталий. Наряд еще тот.

– Сойдет, – кивнул Нож. – А теперь выходим. Но смотри, без глупостей. На этот раз церемониться не станем...

Топор красноречиво крутанул пульт на цепочке.

Волк стоял не двигаясь, покуда Нож возился с замком. И, традиционно не открывая двери, отступил в сторонку. Двое других безволосых поспешили к той двери, что предваряла лестницу. За чем вообще они приходили, Страйкер так и не понял. Вероятно, для солидности, хотя обычно конвой состоял из двух человек (остальным, просто-напросто, было негде развернуться на узкой лестнице и в камере).

– Вперед, – велел Топор.

Скрипнув зубами, Волк двинулся к решетчатой двери. Распахнул ее единственным ударом – с такой силой, что та ударилась о каменную стену. Прежде, – отстраненно отметил он, – такого не случалось. То ли петли разболтались, то ли сил у Курта и впрямь прибавилось...

На этот раз Нож и Таран /традиционные провожатые/ пропустили Волка вперед. Тот шагал по ступеням, прислушиваясь к звукам и запахам, что поступали снаружи. Вибрации – крики и топот, – прекратились. За спиной напряженно дышали безволосые. Топор держал большой палец в миллиметре от кнопки. Но двое других, вероятно, успели подняться на

поверхность – подгоняемые осознанием того, что за ними шагает зубастая и мохнатая смерть... А впрочем, они зря боялись. Мало того, что Курт с трудом мог разглядеть в разрезах капюшона ступени под ногами, полы балахона так и норовили обвиться вокруг лап или быть придавленными к холодному камню.

Вот наверху показался широкий освещенный проем. Каждый раз, выходя на поверхность, Волк был вынужден несколько секунд стоять на пороге, привыкая к смене обстановки изпод приспущенных век. Теперь узкие щели капюшона играли роль светофильтров (или, на худой конец, диафрагмы). Лучи пронзали эти бойницы, но на подходе к чувствительным глазам Страйкера почти теряли свою пагубную силу.

Волк перешагнул порог. Первое, что он увидел на знакомом до боли дворе – это безволосые.

Много безволосых.

Прежде всего, узника встречали шестеро «безрукавочников». Каждый при себе имел пистолет, боевой меч и резиновую палку. Трое держали обнаженные мечи, а трое, соответственно, дубинки. Пару мгновений спустя к ним присоединились Нож и Таран, которым вполне хватало пульта управления, – невзрачная пластиковая штукавина служила куда более надежной защитой от узника, нежели мечи и дубинки.

Как бы там ни было, чуть позже стало очевидно, что дубинки предназначались отнюдь не для Волка.

А вокруг Ямы концентрировались все остальные. Насколько Страйкер мог видеть, это были типичные обитатели Клоповника, – как правило, потрепанные жизнью снаружи и внутри, в практичной одежде, с суровыми лицами и еще более жесткими взглядами. Все они, так или иначе, являлись преступниками – обязывало само местожительство. Те, кто не совершали преступлений собственными руками, мозгами или чистым сознанием (процент кибер-преступлений здесь был гораздо ниже, чем во всем Мегалополисе, но также присутствовал), прямо или косвенно имели отношение к преступникам, – наводчики, посредники, сбывчики, а также прочая почетная публика. Они даже одевались крайне схожим образом, неприметно и практично, в серое, черное или коричневое. Однако, стоило лишь в одном месте собраться двум-трем десяткам таких людей, как эта «неприметная» группа начинала привлекать внимания на улице не меньше, нежели стадо овец.

Все они варились в Клоповнике с самого возведения Ульев. Общество негодяев: многократно описанное в литературе, но впервые воплощенное в реальности. Порт Роял казался в сравнении с этой клоакой ясельной группой детского сада. Клоповник присосался к Гетто ипил из него кровь, сколько мог. Черная опухоль, зловещий паразит, рассадник заразы. И это, следует отметить, одни из самых безобидных эпитетов.

Все эти люди составляли один-единственный класс, – преступников, мерзавцев и злодеев. Тот, в свою очередь, делился на подгруппы. Разделение по материальному признаку было слишком банально, и, помимо того, такое понятие в Клоповнике не могло похвастаться четкими рамками. Материальные блага переходили здесь из руки в руки со сверхсветовой скоростью, нарушая все законы физики, и поэтому определить настоящих богачей Клоповника было далеко не просто.

Как бы там ни было, все они любили развлечения.

Наиболее утонченным зрелищем из этого широкого перечня, разумеется, были гладиаторские бои. Это явление, – специфическое даже в эпоху Древнего Рима, не говоря о «кремниевом веке», – возникло именно в Клоповнике отнюдь не случайно. Именно здесь, а не где-либо еще во всем Мегалополисе (за исключением, разумеется, верхних Ярусов Ульев, обитатели которых имели все возможности для воплощения ЛЮБЫХ своих фантазий), это явление обрело нынешний статус, – популярного, и более-менее доступного аттракциона, посетителю которого

грозило всего пара опасностей: потерять деньги вследствие неудачного пари, и быть обрызганным кровью... Впрочем, второе встречалось многими с энтузиазмом.

Именно здесь, в Клоповнике, в избытке имела та питательная среда, которая требовалась, чтобы домохозяйки спешили поглядеть, как мужчины станут резать друг друга на части. Присутствовали все необходимые ингредиенты: территориальный – замкнутость Клоповника на самом себе, наподобие локальной сети; политический – отсутствие неусыпного надзора со стороны властей; человеческий – присутствие предприимчивых и беспринципных субъектов, а также, безусловно, финансовый – наличие на руках у населения некоторого количества бумажных старомодных денег, подлежащих отъему и дальнейшему распределению... /точь-в-точь по Марксу./

Человеческие грехи и пороки всплывали на поверхности этого бурлящего варева, будто глушенная динамитом рыба. Потому-то гладиаторские бои появились здесь закономерно и вполне своевременно.

Аборигены торопились на представления, позабыв о делах и даже редкой возможности посмотреть голо-визор. В них просыпалась жестокость и природная жадность. Деньги, смешанные с отстраненным от зрителя насилием, рождали чудовищ прямо в умах. Катализатором, безусловно, выступала кровь, что лилась из перерезанных глоток и отсеченных конечностей. Местные жители стремились на ее запах, как акулы в морской бездне.

Все эти соображения пронесли в голове Курта за какие-то мгновения. В это же время тонкое обоняние Волка улавливало малейшие нюансы тех «ароматов», что исходили от толпы безволосых. Нос вычленил информацию и преобразовывал ее в электрические импульсы, которые, в свою очередь, струились по нервным волокнам со скоростью света. Уже в сознании эта информация анализировалась и сопоставлялась.

Волк и сам не мог бы более-менее внятно описать этот процесс. В частности, нередко концентрация запахов была так сильна, что приобретала почти визуальное отображение. Вот как сейчас: от толпы, казалось, исходили мутновато-серые волны. К ним было невозможно приглядеться. Более всего они походили на смутные тени, что порой пляшут на периферии зрения. Но, стоит повернуть голову, как все прекращалось...

Страйкеру же не было нужды приглядываться. Он отлично ориентировался в этих образах – вот зловонное облако застарелого пота, вот кляксы дешевого лосьона, которым, казалось, полоскали горло около дюжины человек... вот разводы от запаха гари, которым кое-кто пропитался до самых костей (не так редко в Клоповнике жилье обогревали тем способом, что изобрели пещерные люди – в то время как монолитные колонны Ульев хранили на горизонте равнодушно молчание).

Все это заставляло Волка брезгливо морщиться.

Особо сильное зловоние, – свежего пота и крови, – струилось от группок, стоявших в сторонке. В каждой было не менее дюжины безволосых. Одну Курт узнал без труда – его спарринг-партнеры, гладиаторы Тарана. «Безрукавочки» стояли на страже, отрезая рабам все пути к бегству. Вторую группу Волк увидел впервые. Ее также образовали исключительно молодые, сильные парни. А еще у них было оружие, – боевые холодные побрякушки, – в то время как бойцы Тарана сжимали пустые кулаки. Их, как и Страйкера, держали на Подворье против воли (большинство угодили сюда в ходе «охотничьих компаний» Тарана, троих продали за долги, еще же двоих обменяли у другого рабовладельца, – непосредственно в Яме).

Напряженный, Курт не мог глядеть на что-либо дольше пары мгновений. Взгляд его вновь обратился на безликую, зловонную толпу. Обитатели Клоповника, все как один, также уставились на фигуру в балахоне. Немая сцена. Страйкер понимал, что его никак не смогут видеть через плотную ткань (военные сканеры были слишком дорогими игрушками, чтобы невзначай оказаться в данной толпе). Тем не менее, под балахоном все мохнатое тело съежилось, словно стремилось уйти из-под перекрестного обстрела.

Слышалось только дыхание. Поскольку всех присутствующих было никак не меньше сотни, вдохи и выдохи играли роль насыщенного акустического фона, своего рода океанской волны.

Курт поднял взгляд.

В центре двора, возвышаясь над частоколом голов, стоял купол Ямы. Сейчас, отблескивая на солнце, он был похож на скелетообразную раковину гигантского моллюска... Или на решетчатый остов потерпевшей крушение летающей тарелки.

На самой вершине стояла, уперев толстые руки в бока, кряжистая фигура. Солнце повисло у нее за спиной раскаленным огненным шаром; контуры всего силуэта обрисовались с точностью до волосяной поросли на руках. Таран умел произвести впечатление. Сложением он походил на бочонок, к которому кто-то прикрутил руки и ноги.

А еще Хэнк умел правильно выбрать момент.

Когда Волку начало казаться, что немая сцена слишком затянулась, безволосый величественно простер руку в его направлении – так, вероятно, правители древности указывали толпе своих грядущих преемников... Волк усилием воли подавил желание оглядеться.

– Вот тот, о котором я вам говорил, – прогремел Таран. – Темная лошадка, о которой многие из присутствующих сплетничают уже очень давно... Гладиатор, истинные возможности которого известны только мне. – Хэнк опустил руку и обвел толпу загадочным взглядом. – Я, Хэнк Таран, заявляю: этот боец может уложить на пол Ямы любого из вас... А в особенности, – рука Тарана вновь поднялась, но на сей раз обратилась в сторону группки вооруженных людей, из которых Курт не узнал ни одной физиономии. – ...В особенности, любого гладиатора из Школы Джона Стивенсона по прозвищу Клинок. Я, Хэнк Таран, делаю ставку – один против четырех. Мой парень – против четырех бойцов Джона Стивенсона. Идет?..

Повисело молчание. Многие головы повернулись в том направлении, куда указывал палец Тарана, – аккуратно в тот момент, когда оттуда грянул взрыв хохота. Парни, вооруженные разномастным холодным оружием, смеялись над «заявлением» Хэнка Тарана. Но смех тот был слишком натянутым и напряженным. Так смеются не для того, чтобы выразить веселье, а скорее для того, чтобы продемонстрировать собственные чувства к говорящему. Поэтому Таран ничего не сказал. Он знал цену собственных слов. Это поняли и все остальные, – из толпы также прозвучали несколько смешков, однако все они потонули в наступившем молчании.

Курт вновь поглядел в сторону незнакомцев.

Только сейчас он заметил несколько немаловажных деталей. У серой стены здания лежали двое, которым сейчас было явно не до веселья. Один баюкал правую руку, вывернутую в плече под неестественным углом. Другой лежал без движения – бок его был перевязан.

Как можно было предположить, предыдущие «пари» прошли для Школы Клинка отнюдь не безболезненно.

И, во-вторых, этих гладиаторов никто НЕ ОХРАНЯЛ. У них самих было оружие, но в то же время не было оков или электрошоковых ошейников. Более того, эти парни вовсе не походили на людей, недовольных своим положением, – в отличие от гладиаторов Хэнка Тарана, глаза которых так и бегали в поисках выхода.

Таким образом, Страйкер с удивлением понял, что эти люди сознательно выбрали такую жизнь. Однако, это было настолько невероятно, столь кощунственно и дико, что перевернуть свою догадку Волк мог далеко не сразу. Убийство себе подобных на потеху толпе являлось для них просто РАБОТОЙ... А после посещения Ямы они шли домой, где их ждали ужин, жены и дети... Однако, до вечера могли дожить не все. Таран был чудовищем, но и ему составляли конкуренцию.

От группы мужчин отделилась чья-то статная фигура. Ее обладатель был не намного старше остальных; сложением он отличался от Тарана столь же, как стройный тополь отличался от кряжистого дуба – широкоплечий, с длинными, подвижными руками, мощной грудью и

мускулистыми ногами. На поясе у него висели два коротких меча – «гладиусы». Лицо его было суровым и мрачным, но в чем-то даже привлекательным. С такого расстояния Волк с трудом мог разглядеть детали, в частности, длинные усы и косой шрам на щеке. Глаза смотрели в точности как рентген-аппарат. Вне сомнения, их обладатель многое повидал на своем веку.

Разумеется, это был Джо «Клинок» Стивенсон.

– Я выслушал тебя, Таран, – сказал он глубоким сильным басом. – Но только, сдастся мне, ты решил не очень удачно пошутить. Ты знаешь моих бойцов и видел их в деле. Кто бы ни был твой боец, ему не совладать и с двумя, не говоря уже о четверых...

В толпе раздались одобрительные выкрики.

– Я не шучу, – ответил Таран с вершины Ямы. – И готов делом подкрепить свои слова. Я видел твоих бойцов, а потому повторяю – четверо против одного. Двое – это не интересно. У меня не так много речного песка, чтобы засыпать им всю Яму, потому как крови там будет достаточно. – Хэнк ухмыльнулся, явно довольный ответом.

Стивенсон на глазах менялся в лице – позеленел, а шрам на щеке дергался как поплавок.

Клюет, – подумал Страйкер.

– Ты оскорбил честь моей школы, – бросил Клинок. – Если все это просто шутка, тебе придется за нее ответить. Я требую сатисфакции. Здесь и сейчас, на твоих условиях.

Таран расплылся в улыбке /это было страшное зрелище/.

– К этому, собственно, я и веду. Мои условия – четверо твоих против одного моего. В Яме, обычным оружием. Никаких задержек, полный контакт. Только насмерть, никакой первой крови... – Хэнк пренебрежительно кивнул в сторону двоих раненых в стане противника. – Тот, кто покинет Яму – выиграет бой. Это будет мой боец. Сколько еще мне нужно оскорблять твою Школу, чтобы ты перестал зря молотить языком?..

Тут Клинка буквально перекосило. Будь он и впрямь выкован из металла, то в этот момент его скрутило бы в баранку, а в добавок покрыла бы толстая короста ржавчины.

– Что ж, будь по-твоему, – прохрипел он. – Мои парни изрубят это чучело в капусту на твоей же арене... Тебе и впрямь понадобится немало песка. Я принимаю вызов – ты ответишь за оскорбление. Силы явно неравны, однако я сделал, все что мог. Сегодня ты просто-напросто убил этого парня. – Клинок сжал тонкие губы.

Таран удовлетворенно кивнул. У него, несомненно, имелось собственное мнение касательно расстановки сил.

Остальные же пребывали в смятении.

– Эй, как нам делать ставки?.. – выкрикнул кто-то.

Клинок презрительно отвернулся. Хэнк довольно ухмылялся.

– Как заблагорассудится. Дело ваше.

– Так нечестно!.. – крикнул кто-то еще. – Мы должны хотя бы взглянуть на твоего бойца!

– Вот как?! – Лицо Тарана, покрытое множеством шрамов, перекошилось в яростной гримасе. – Мне плевать, честно это или нет. Вы сможете увидеть этого парня лишь тогда, когда ставки будут сделаны, а дверь Ямы – надежно заперта. В противном же случае мальчики Клинка могут просто разбежаться. Делайте ставки на свое усмотрение, или проваливайте. Мне все равно – у нас с Клинком давние счеты...

Толпа еще немного поволновалась, но никто не ушел.

Кто-то принялся выкрикивать условия пари – «один к трем на нового...», «пять к одному на четверку Клинка», и так далее. Страйкер понял, что его тут не очень-то ценят. С одной стороны, ему было наплевать, с другой же – крайне не понравились слова про «чучело», «капусту» и все прочее. О нем говорили таким образом, будто его собственное мнение ничего не значило (собственно, так все и было, но и приятней от этого также не становилось). Единственное, что Курт мог сделать в данной ситуации, это доказать Клинку, насколько он ошибся... А также, конечно, остаться в живых.

Хэнк махнул рукой. Топор и Нож сразу же ожили, словно глиняные големы.
– Вперед, – буркнул Топор. – И без глупостей...

Парни в безрукавках без напоминаний выстроились по обе стороны, держа дистанцию в пару метров от пленника. Один зашел вперед; Нож с напарником замыкали процессию. Курт почувствовал статическое покалывание в ошейнике, и, стиснув челюсти, сдвинулся с места. Его не подгоняли и не тормозили. Безволосые держали темп шаг в шаг, внимательно поглядывая по сторонам. Каждый был напряжен, то и дело перехватывал оружие в руках поудобнее. Мечи и дубинки чередовались – через одного.

Все это напоминало Страйкеру боксерский матч, когда спортсменов вели по проходу к рингу, – жуткий, бескомпромиссный поединок, во время которого стальную смерть брали и металы в противника голыми руками... Такого, что ни говори, по голо-видению не увидишь.

Но, как и на обычных матчах, здесь также были фанаты.

Процессия погрузилась в бурлящую толпу безволосых. Те расступались в стороны, хотя и с явной неохотой. «Безрукавочки», шагавшие впереди, были особенно крепкими ребятами, а потому играли роль своеобразного, накачанного мускулами ледокола. Им непрестанно приходилось отпихивать кого-то с дороги, сопровождая каждый свой шаг жуткой руганью. Однако, особо настойчивые «болельщики» заходили с флангов или с тыла. К Курту протягивались жадные руки, так и норовившие сорвать с него капюшон или приоткрыть балахон, чтобы узнать, насколько темная лошадка затаилась под ним. Но «безрукавочки» знали свое дело. Они не церемонились и долго не раздумывали. Особо любопытствующие, получив профессиональный тычок в живот или зубы, отлетали в общую массу. Дубинки направо и налево раздавали удары. Даже мечи то и дело опускались плашмя – в кровопролитии пока не возникало нужды. Эти люди пришли сюда чтобы поглядеть на бой, а не участвовать в нем. Тем не менее, Волк едва себя сдерживал, чтобы не протянуть кому-то лапу навстречу, – когтистую и волосатую.

Вскоре толпа поредела, приблизилась Яма.

Взгляд Курта неожиданно опустился на три знакомых силуэта, что стояли особняком. Двое высоких по бокам, и одна, приземистая, в центре. Тот, что был слева – здоровенный и грузный, похожий на шкаф. Справа – каланча в бесформенном черном одеянии, едва-едва маскировавшим горб на спине (это, впрочем, не относилось к содержимому карманов, которое могло бы запросто принадлежать какому-нибудь хирургу-любителю).

Хмырь и Шило.

Безволосый, стоявший между этой парочкой, был невысоким, плотным и абсолютно лысым. Даже брови, казалось, и те присутствовали на угловатом лице почти номинально.

Лысый Хью.

Подрядчик киллеров. Имеет обширные связи в Клоповнике и за его пределами. Именно он – в первую очередь, – приложил руку к тому, чтобы Страйкер оказался в рабстве.

Характер скверный. Не женат.

Все три глядели на Волка. Конечно, они не могли увидеть его глаза сквозь прорези капюшона, и в то же время не составляло особого труда догадаться, кого именно Страйкер не ожидал здесь увидеть. Предположить, в общем-то, появление Хью и его псов было не столь уж трудно, однако, предполагать и верить в подобную наглость, – несколько разные вещи. Появление заклятого врага стало для Курта звонкой пощечиной. Над ним просто издевались, – считали щенком, который наконец обрел хозяина с тяжелой рукой... И что теперь ему уже не сорваться с этой цепи.

Об этом без слов говорили глаза.

Хмырь глядел с ненавистью и затаенной обидой – тупой ублюдок, неспособный на сложные эмоции. Шило насмеялся, демонстрируя кривые зубы – он проиграл поединок, но при этом был из той породы, представители которой не упускали возможности пнуть раненого льва... Что касалось Лысого Хью, то сей персонаж глядел в оба – как в прямом, так и в перенос-

ном смысле. Его Страйкер практически ничем не обидел (за исключением лишь неосуществленного намерения), а даже, напротив, обогатил на энную сумму. Однако, Хью поглядывал на приближающегося Волка с опаской и настороженностью, которым могла позавидовать и грациозная газель.

Подрядчик наемных убийц был жаден, но вовсе не глуп. Он продал Курта в рабство Хэнку Тарану не столь из-за денег, сколько оттого, что это была единственная возможность избежать смерти в волчьих клыках и когтях. Если бы ему удалось, то жизнь Страйкера прервалась бы еще до заключения сделки. Живым Волк стоил несоизмеримо больше. Физическая «ликвидация» являлась решением слишком простым, и поэтому требовавшим куда больших ресурсов, которые тогда имелись у Хью.

Ввиду этого пришлось пойти на риск.

Таран, как ожидалось, захотел оставить Волка себе. Но Хью понимал, что это похоже на русскую рулетку. Когда-нибудь – не сегодня, не завтра, но очень, очень скоро – Страйкер вырвется на свободу. Ведь ярость рвет цепи. А в бумагу огонь не завернешь. Это вопрос времени.

Именно поэтому в уголках глаз лысого коротышки притаились зловещие тени. Он был не дурак, а потому боялся. И каждое движение Волка сопровождалось глубоководным мерцанием. Что-то притаилось там, на самом дне. Прижалось голым брюхом к песку.

Каждую ночь подрядчик киллеров ждал и боялся. Ждал, что именно этой ночью пленник совершит побег. Что это его тень пронеслась за окном. Что под его ногой скрипнула половица за дверью. Что верные телохранители уже висят в гараже вверх ногами, – выпотрошенные, будто свиньи на бойне... Что это его силуэт появился в проеме.

Подобные догадки грели сердце и обнадеживали.

Страйкер попытался изменить курс, чтобы вырлиться к этой троице – при одном лишь намеке на маневр Хмырь и Шило сразу же посерьезнели, а Лысый Хью нервно передернулся (вероятно, недосыпание сказывалось), – но «безрукавчики», как оказалось, не забывали приглядывать и за мохнатым гладиатором. В шею Курта вонзились сотни электрических жал. Это сразу же отбило всякую охоту к необдуманным действиям.

Всею свое время.

Страйкер задрал голову и посмотрел на Тарана. Тот кивнул.

– Делай свое дело, малыш, – сказал он так тихо, чтобы услышал один только Волк. – Им не устоять против тебя.

Курт отвернулся, ничего не сказав. Конечно, это была правда. Но разве ее доказательство могло стоить человеческих жизней? Таран собирался под завязку набить карманы кровавыми деньгами. Ничего страшного, если за это расплатится собственной шкурой какой-то бедолага...

Один из «безрукавчиков» подошел к Яме и распахнул решетчатый люк, не издавший при этом ни звука – любимая вещь, которой часто пользуются, не знает недостатка в уходе. Другой парень тем временем тащил длинную лестницу с ужасающе узкими перекладинами. Она валялась неподалеку, и, судя по всему, в это утро неоднократно погружалась на самое дно... Подумав об этом, Страйкер невольно озабочился тем, каким образом из Ямы извлекали трупы (или даже раненых). Мгновение спустя взгляд Волка сам собой нашарил длинные и прочные ремни, чтобы висели под решетчатым потолком, – в данный момент, свернутые и не востребовавшие.

Убийство здесь было поставлено на конвейер, потому как приносило изрядный доход.

– Вперед, – буркнул Нож за спиной.

Ошейник вколол в шею Курта энное количество ватт.

Не говоря ни слова, Волк двинулся вперед. Ему оставалось преодолеть какие-то жалкие метры, прежде чем, звеня пластмассовыми цепями, поравняться с проемом. Оба «безрукавчика» успели отскочить в сторонку. Курт переступил металлический порог, и, ухватившись за

лестницу, приступил к неторопливому спуску. При этом он каждое мгновение чувствовал на себе десятки любопытных взглядов. Всем было интересно, каким неосторожным движением новичок себя выдаст. Однако, балахон с капюшоном играли свою роль, – взгляды беспомощно терзали плотную ткань, не в силах проникнуть внутрь. Безволосые подошли вплотную к Яме, заворожено наблюдая за широкоплечей фигурой и ее неторопливым скольжением по лестнице. Наконец ноги Волка прочно встали на засыпанный песком пол. Лысый Хью с телохранителями надменно взирали на него сверху вниз, однако впечатление создавалось, будто они стояли где-то страшно глубоко.

На дне могилы.

Курт прошел по окружности арены, разминая плечи и руки. Он не хотел грядущего боя, и в то же время не мог сделать ничего, чтобы его предотвратить. Эта беспомощность, как ни странно, разбудила зловещие силы. Волк явственно чувствовал, как в груди растет напряженная волна. Это, похоже, и была та самая «контролируемая ярость», которую любил вспоминать Старейшина... Она досталась Волчьему Племеню в наследство от четвероногих предков – способность приводить свой организм в состояние повышенной боеготовности – своего рода форсаж, в течении которого даже субъективное время Волка замедляло свой бег...

К дверному проему Ямы, один за другим, подошли высокие силуэты. Они выстроились цепочкой, дожидаясь своей очереди. Все четверо. Курт отступил к противоположной стене, наблюдая, как гладиаторы резво спускались по шаткой лестнице. Судя по всему, им приходилось делать это не впервой. Наконец четыре пары ног опустились на засыпанном песком полу; «безрукавчики» втянули лестницу наружу.

Страйкер, не шевелясь, разглядывал противников.

Те глядели на него.

На песчаном дне Ямы стоял мертвый штиль, даже легкий ветерок не прикасался к балахону Курта. Где-то, судя по всему, играла музыка из старинных вестернов.

Тихий мотив прервал голос Джо «Клинка» Стивенсона. Безволосый приблизился к решетке арены, чтобы вместе с «учениками» вкушать кровавой плоти победы.

– Эй, Таран, – насмешливо поинтересовался он, – что же, ты даже не снабдишь своего парня мечом?..

Хэнк ответил не сразу.

– Нет. Оружие он добудет в бою, как я его учил...

Курт напрягся. Он чувствовал – с секунды на секунду будет сигнал. Как во время тренировок – только сейчас все, к сожалению, было катастрофически реально...

Гладиаторы разошлись в стороны, увеличивая тем самым дистанцию для маневров. Каждый присел в угрожающей, но вместе с тем весьма функциональной стойке, готовясь сорваться с места /а вернее, распрямится, как тугая пружина.../. Волк воспользовался оставшимся временем, чтобы еще раз оглядеть своих противников.

Все они, безусловно, были крепкими и высокими молодыми людьми. Телосложение по крайней мере двоих не уступало лучшим «бодибилдерам» Тарана, включая самого Страйкера. Лица – суровые и жесткие, словно куски наждачной бумаги. Одну физиономию, впрочем, закрывало широкое забрало, сделанное в форме змеиной головы с раскосыми отверстиями для глаз. На плече у того же индивида красовалась блестящая сегментчатая броня, закрывавшая руку до самого локтя. В руках прокручивался, разрезая воздух длинными лезвиями, зловещий трезубец (солнце пылало на треугольных наконечниках). Парень был по пояс обнажен, дальше шла юбка из плотных кожаных полос. На ногах надежно сидели сандалии с высокой шнуровкой – такие Волк частенько видал на персонажах фильмов из подборки Тарана.

Что же касалось трех других парней, то они походили друг на друга, будто три капли воды (которые, как известно, никогда не бывают совершенно одинаковыми), за исключением некоторых отличий. Так, все трое были одеты в кожаные штаны, но лишь у двоих имелись

наколенники и налокотники, снабженные длинными шипами. У третьего на груди и животе висело подобие брони – изогнутые металлические полосы, стянутые кожаными ремешками. Еще у него, в отличие от упомянутых субъектов, вооруженных стандартными «гладиусами», в руках был зажат здоровенный топор с двумя лезвиями и длинным острием между ними.

Неслабая открывашка, – отметил Курт.

Джо Клинок, что ни говори, подходил к своему делу очень серьезно. Его оловянные солдатики точь-в-точь сошли с голограмм того же «Гладиатора» или «Спартака».

Волк не смог бы признаться даже самому себе, что чувствует страх. И все-таки до абсолютной уверенности в победе было далеко (собственно, только дураки испытывают такую перед боем). Страйкер был спокоен и сосредоточен, готовясь к броску; концентрируемая ярость уже натянула цепи. Ничто не могло вывести из равновесия холодную самоуглубленность волчьей души, сравнимой с безмятежностью «сада камней»... Однако, из под этих камней нет-нет да и выглядывала маленькая голова юркого зверька, – страх старательно избегал железных пальцев, старавшихся свернуть ему шею.

Трезубец и мечи, медленно вращаясь в руках гладиаторов, гнали воздух в сторону Курта. Чувствительные рецепторы Страйкера улавливали самые незначительные нюансы и оттенки. Muskusная вонь пота, как ни старалась, не смогла перекрыть остальное. Все четверо гладиаторов позавтракали борщом с чесночными пампушками, прикасались к неким домашним животным, а один освежил лицо лосьоном «Kill with power».

Толпа безволосых, озабоченная непонятной задержкой, начинала возмущенно роптать.

Страйкер поднял голову и взглянул на Хэнка Тарана, ни на мгновение не выпуская четверку из вида. С учетом капюшона это было не так уж и просто, но вполне осуществимо. Под плотной тканью, а также природным мехом повисла жуткая жара...

Волку хотелось поскорее выбраться наружу.

Таран, судя по всему, также это понял. Он поднял над головой правую руку, в которой сжимал стартовый пистолет. Толпа мгновенно притихла, хотя выстрел мог без труда перекрыть ее возню. Все, как один, уставились на самое дно, где стояли четверо против одного.

Курт невольно присел. Тело его готовилось сорваться с места, и непроизвольно избрало подходящую позицию. Когти сжались, а затем распрямились. В сетчатке глаз, казалось, отпечатались малейшие детали окружающего – песчинки на полу арены, замороженный блеск десятков глаз, напряженная дрожь указательного пальца Тарана на крючке, блеск стальных лезвий...

Выстрел вспорол тишину...

Толпа взревела.

События устремились вскачь, однако время, как ни странно, замедлилось. Волк чувствовал каждую секунду так, будто та не могла скатиться в вечность без дозволения его когтистой лапы – будто шар в лузу. Каждое мгновение не могло вместить в себя чего бы то ни было, что Волк не досмотрел или же не принял к сведению.

...И тишина взорвалась звонким хрусталем.

Перво-наперво Страйкер с силой развел лапы в разные стороны. Пластиковые звенья упали на песок к его ногам. Цепь порвалась одновременно в двух-трех местах.

Так действует ярость.

Курт поднял лапы и развел «створки» балахона в стороны. Металлические крючки послушно соскользнули с зажимов. Волк нагнул голову, просунул лапы в отверстие, и вырвался наружу. Толпа охнула /вернее, этот гулкий звук длился с того самого момента, как «стальная» цепь порвалась в руках новичка, словно игрушечная/.

Гладиаторы уже мчались вперед. Каждый успел сделать не более трех или четырех шагов, тогда как Волк успел освободиться от театральных излишков. В следующую секунду, полетевшую в вечность бильярдным шаром с порядковым номером, ноги Страйкера оттолкнулись от земли.

Он взмыл к потолку мохнатым болидом. Безволосые невольно замедлили темп, что стало их первой ошибкой. Курт ухитрялся держать в поле зрения всех четверых, фиксировать каждое движение. Особенно его интересовал гладиатор с правого фланга, вырвавшийся дальше остальных. В руке у него матово сверкал короткий «гладиус».

«...добудет в бою, как я его учил...»

На пути к этой цели Волку пришлось сделать остановку, больше напоминавшую прикосновение теннисного мяча к поверхности корта. На этот раз у него по инерции удалось подскокнуть еще выше. Безволосые практически замерли на дне Ямы.

Страйкер приближался к выбранной цели. Гладиатор пытался отмахнуться своим мечом, но его движения казались Курту столь медленными и неторопливыми, что уклониться не составляло никакого труда. Он протянул лапу, и, оттолкнувшись от стриженной головы гладиатора, приобрел необходимое ускорение. Другая его рука тем временем обхватила запястье безволосого – легко, почти небрежно отмахнувшись от меча, – и с силой потянула. Раздался вопль и тихий хруст. Волк разжал ладонь. В нее словно сама собой скользнула рукоять короткого «гладиуса».

Мгновение спустя земля стукнула в подошвы.

Волк развернулся и принял боевую стойку. В руке у него был боевой клинок.

«...как я его учил...»

Говоря по правде, Таран ничему подобному его не учил. Однако, все предыдущие уроки предполагали не менее запутанные трюки. Хэнку удалось получить тот уникальный материал, о котором другой представитель его профессии мог лишь мечтать. У него появилась возможность реализовать те самые тренерские амбиции, на полдороге к которым простые люди уже начинали кряхтеть и жаловаться на закон всемирной гравитации. Для Страйкера же такого закона не существовало – по крайней мере, отчасти...

Еще, по сути, у Волка не было особой потребности в прямой, заточенной по обе стороны железке. До знакомства с Тараном он обходился собственными лапами. Хэнк же доказал, что их эффективность можно усилить, призвав на помощь доисторический «железный век». «Представь, – твердил Таран, – что меч – это продолжение твоей собственной лапы...» Курт никак не мог взять в толк, зачем ЕМУ это нужно, покуда не представил, что меч – это новый металлический коготь. И тогда все встало на свои места. Таран просто-напросто выбрал неверную метафору.

Гладиатор со сломанной рукой и обезображенным яростью лицом начал разворачиваться, чтобы поглядеть на противника. Он лишился оружия и не мог орудовать правой рукой, однако это еще не значило, что его следовало сбрасывать со счетов. Хэнк учил, что даже калека с голыми руками мог быть смертельно опасен.

Курт резко выбросил лапу вперед. Клинок вонзился в бок гладиатора, где находилась печень, и вышел с другой стороны. Парень издал еще более истошный вопль, нежели прежде. Ранение было смертельным – Страйкер не выбирал траектории, действуя инстинктивно, – поскольку жизненно важные органы /по крайней мере, один/ годились лишь на собачий корм.

Чтобы выжить, гладиатору требовалось немедленно получить медицинскую помощь. Однако, у Волка не было ни времени, ни стимулов для подобной заботы.

Он выдернул клинок – из раны хлынула тугая струя.

Безволосый, пошатнувшись, рухнул на песок. Толпа роптала, – то ли восторженно, то ли возмущенно. Кое-кто издавал ликующие вопли, радуясь победе Курта, как своей собственной (подсчитывая, вероятно, прибыль от заключенных с риском пари).

Но оставались еще трое. Которые по-прежнему желали разорвать Страйкера на куски.

Один – с трезубцем и в шлеме; двое – с «гладиусами», шипами и пластинчатой броне. Последние разошлись в стороны, медленно и осторожно, не спуская с Волка глаз. В центре остался здоровяк с диковинным трезубым оружием. И все трое, похоже, уже успели понять,

что с этим волосатым парнем шутки лучше не шутить. Это читалось в их глазах: все трое еще до конца не верили, что против них выставили мифического Волка, но бой следовало продолжать – веришь ты, или же нет.

Гладиаторы начали с опаской продвигаться вперед. Мечники постепенно забирали в стороны, а обладатель трезубца крался непосредственно к Курту, но в слегка замедленном темпе. Нехитрый план смог бы отгадать даже тот человек, что был незнаком не только с основами фехтования, но и с заурядной уличной дракой. Страйкера же Таран натаскивал с особым рвением, не щадя ни волчьей, ни, тем более, безволосых шкур всех прочих «воспитанников». И посему Волку не составляло труда определить, что его собирались зажать в обычные, но весьма эффективные «клещи». Эти гладиаторы, похоже, привыкли работать парами и тройками. Мечники с флангов отвлекали бы Курта, тогда как парень в шлеме, вероятно, нанес бы главный удар.

У Волка было время все это скрупулезно обдумать. Секунды по-прежнему никуда не спешили, а с готовностью кружили вокруг, – один порядковый номер за другим. Если бы потребовалось, Страйкер смог бы менять эти шары местами, переставляя из одной части вереницы в другую...

Обладатель трезубца продолжал красться вперед.

Лезвия с тихим свистом резали воздух.

Безволосые с флангов метнулись вперед: без предупреждения, без какого-либо согласования действий, очевидного для непосвященного. «Гладиусы» в руках мрачно блестели. Волк понятия не имел, насколько хороши они в паре, но и проверять не собирался.

Он встретил первого грудь в грудь. Клинки скрестились и отскочили. Сила удара Курта была гораздо сильнее, – это ощущалось в гримасе, сковавшей на мгновение физиономию противника. Его клинок отлетел далеко вправо, благодаря чему Страйкер мог уделить внимание второму мечнику. Тот коварно зашел со спины, но Волк узнал бы о его нахождении и с закрытыми глазами – от него-то несло дешевым парфюмом.

Курт отмахнулся мечом за спину – из дикой, неудобной позиции, воображимой лишь для Хэнка Тарана, – когда меч противника уже приближался, чтобы удалить ему селезенку. «Гладиусы» звякнули и разошлись. А еще до того, как это случилось, Волк подпрыгнул, и, опустив ногу на колено первого гладиатора, сообщил себе необходимое ускорение. Он вновь влетел над песком Ямы, – зрители в один голос взревели.

Последовавшие за этим события попытались уместиться в одном, отдельно взятом временном отрезке, но Страйкер с безжалостностью футбольного арбитра этого не допустил.

Гладиатор в пластинчатом подобии панциря вскрикнул и потянулся к поврежденному колену./ Курт взмыл над ареной./ Второй мечник шагнул вперед, и, поскольку «гладиус» был отброшен далеко назад, попытался зацепить Страйкера налокотником с длинным шипом./ Здоровяк с трезубцем ускорил шаг/. Во тьме парила бесконечная вереница «шаров» с порядковыми номерами./ Волк не понимал до конца, что он делает, однако, потянувшись, переставил один шар из передней части вереницы – беспощадно отбросил назад./ Заостренный шип на какие-то доли секунды отстал от пролетевшего рядом волчьего бедра./ Волк, не колеблясь, взмахнул «гладиусом»./ Узкое лезвие медленно скользнуло вниз, будто продираясь сквозь вязкую патоку, пока не наткнулось на горло безволосого./ Тот, казалось, сам шагнул вперед и поднял подбородок./ Клинок легко вспорол кожу и двинулся дальше, разрезая на своем пути артерии, мышцы и хрящи, пока не уперся в жесткую кость.

Курт приземлился рядом. «Гладиус» дошел до уха противника и сам собой скользнул прочь из раны. На песок хлынули багрово-красные, практически черные струи. Их было так много, что песок Ямы не успевал поглощать все и сразу, хотя на службе у Хэнка Тарана немало преуспел в этом занятии... Красная лужа выросла аккурат на том месте, куда с громким шлепком опустилась физиономия безволосого.

Повея мечом, Страйкер стяхнул капли крови с меча.

Гладиатор с трезубцем метнулся вперед, выставив вперед грозное оружие. Оставшийся мечник с диким воплем оторвал от песка раненую ногу, и, будто на шарнирах, прыгнул в последнюю атаку, повинувшись командам невидимого кукловода. Его Волк убил в первую очередь – в последнее время он не особо жаловал всякого рода оковы и молчаливые приказы.

Но парень с трезубцем оказался быстрее. Курт отступил влево и взмахнул «гладиусом». Клинок жалобно, будто побитая шавка, звякнул о толстое древко – которое на поверку оказалось цельнометаллическим. Тем не менее, цели Страйкер добился: блестящие лезвия были отброшены прочь с траектории атаки. А в следующее мгновение подоспел и мечник.

Волк сделал первый выпад, не дожидаясь приглашения. Клинок рухнул на пластины брони вертикально, сминая металл и выбивая из груди дыхание. Боец получил ускорение для того, чтобы отступить на один-единственный шаг. У него было намерение, но не оставалось времени. Курт же приобрел необходимую дистанцию. Не медля, он взмахнул «гладиусом» во всю мощь натренированных мышц. Клинок опустился на панцирь параллельно пластинам, и, бесцеремонно отодвигая их с дороги, скользнул дальше. Захрустели кости, заныли разрезаемые сталью легкие.

Безволосый завопил. Рука его нелепо дернулась, пальцы разжались. «Гладиус» скользнул к усыпанному песком полу. Страйкеру это падение – продиктованное неумолимой силой тяжести, – показалось слишком медленным. Он протянул лапу и ухватился за рукоять. Рифленая поверхность, влажная от пота безволосого, легла в ладонь.

За долю секунды до того Волк, уловив за спиной смутное движение, прыгнул голову. Сверкающие острия трезубца пронесли над в каких-то сантиметрах от черепа. Взмолнованный воздух взъерошил мех на затылке. Для Курта, однако, это было недостаточно быстро. Он взял рукоять меча удобнее и повел ею назад, – так отгоняют назойливую муху, – не для того, чтобы раздавить, а чтобы внушить опасения.

Безволосый отскочил и встал в защитную стойку.

Но Таран говорил, что защита в любое мгновение может смениться нападением.

Страйкер нарочито-медлительно обернулся. Каждая лапа его сжимала по блестящему «гладиусу». Он стоял прямо, не сводя глаз с единственного противника. Однако, периферийное зрение безостановочно ощупывало окружающее пространство. Безволосый с пробитым боком лежал на арене, не двигаясь, с закрытыми глазами; из перерезанного горла другого продолжала течь кровь, – но уже тонким, неторопливым ручейком; третий лежал на спине, словно черепаха, и пытался ощупать руками страшную рану. На губах у него проступила розовая пена.

Четвертый же крепко вцепился в трезубец.

Толпа наверху начала выкрикивать нечто невнятное – Страйкер не понимал слов, те звучали слишком медленно. Похоже, в адрес последнего из команды Джона Стивенсона летели поощрения (либо, что действовало более эффективнее, – оскорбления), потому как безволосый принялся медленно переступать ногами. Трезубец в сильных руках терзал воздух, – словно жуткий, невообразимый миксер.

Волк стоял и не двигался.

Когда безволосый наконец пошел в атаку, Курт стоял на том месте, что и раньше. Оба «гладиуса» глядели вертикально вниз. Металлическая змеиная морда с раскосыми бойницами неуклонно приближалась. Из обеих дыр выглядывали два пышущих ненавистью глаза, а из пасти разве что не высовывался раздвоенный на конце язык...

Его, впрочем, заменяло «расстроенное» стальное жало. Расстроенное тем, что не отведало волчьей крови. Страйкер же не собирался предоставлять ему такую возможность.

Он стоял, не двигаясь, пока гладиатор продвигался вперед. Он крался, как кобра, плавно и уверенно, передвигая ноги с инстинктивно и непогрешимо рассчитанной точностью. Движения напоминали грациозные танцорские па, доведенные бесчисленными тренировками до

автоматизма... И все-таки, Волк неторопливо приспустил шторы век. Казалось, у него оставалось время вздремнуть. Глаза, впрочем, по-прежнему отмечали каждую песчинку, что перемещалась на пути гладиатора.

Наконец змея ударила.

Раскосые глаза прыгнули к Волку; три блестящих лезвия устремились следом. Страйкер стоял, не шевелясь. Мечи его были опущены вниз. Грудь и шея – до неприличности открыты. Гладиатор поступил вполне предсказуемо, избрав в качестве мишени адамово яблоко.

Толпа за решетчатым куполом испустила напряженный вздох, будто одно живое существо.

Когда от намеченной цели лезвия отделяли какие-то сантиметры, Волк не стал медлить. Он скользнул в сторону – так внезапно, будто и прежде там стоял, а гладиатор просто-напросто не рассчитал траекторию. Мечи Курта поднялись, и, взыв от натуги, с лязгом рухнули меж клыков тройного жала. Страйкер повел обеими лапами, и клинки скрестились. Трезубец оказался намертво зажат в этом капкане. Глаза безволосого – Волк отчетливо видел их в отверстиях забрала – не успели даже округлиться, когда Курт предпринял следующее действие. Он шагнул назад и дернул мечи на себя. Трезубец выскользнул из рук безволосого, будто скользкая рыба из рук незадачливого рыбака. Грациозно вращаясь в воздухе, оружие пролетело несколько метров и упало на песок арены. Чуть дальше опустился и легкий «гладиус», который Волк держал в левой лапе. Жуткое усилие заставило Страйкера разжать пальцы, чтобы не вывихнуть пальцы или не порвать кожу ладоней.

Но правая лапа рукоять удержала.

Тем не менее, Курт не спешил пускать клинок в ход. Гладиатор, вероятно, так ничего и не понял /для него все произошло слишком стремительно, а шары с порядковыми номерами так и остались атрибутом исключительно бильярда/ – когда правая нога Волка врезалась в его живот, будто пушечное ядро. Гладиатор отлетел на метр и тяжело плюхнулся на спину.

Опустив меч, Волк поднял голову.

Безволосые, обступившие купол, хранили замороженное молчание. Затем кто-то крикнул:

– Убей!..

Этот вопль подхватили двое-трое, к ним присоединились около дюжины. В ладоши, как ни странно, никто не захолопал: обещанных Хэнком аплодисментов Волк так и не дождался... Толпа, похоже, просто-напросто не знала, чего же ждать от этого мохнатого парня.

Рукоплесканий он пока не заслужил.

– Убей! Убей! Убей!..

Болельщики скандировали это с таким остервенением, что любые аналогии с хоккейными фанатами не выдерживали никакого сравнения. Вопль «Шайбу! Шайбу!..» казался писком младенца. Здесь же в прямом смысле алкали крови. Жаждали увидеть, как прямое лезвие «гладиуса» прервет очередную жизнь – так, хладнокровно и беспощадно.

Страйкер повернул голову и поглядел на Тарана.

Тот поднял правую руку. Большой палец был отставлен от кулака и смотрел вертикально вверх. Толпа тут же притихла, слышалась лишь чья-то невнятная возня – кто-то, похоже, делил деньги. Хэнк повернулся. Волк понял, что тот смотрит на Джона «Клинка» Стивенсона. Оба безволосых хранили напряженное молчание, а лишь скрестили взгляды. Ментальный «меч» Стивенсона был тверд, потому как прозвище /и, вероятно, репутация/ обязывали. Таран отвернулся, и поглядел себе под ноги – на «волчонка».

Толстый палец пополз вниз, будто стрелка тахометра.

Толпа взревела.

– Убей!.. – воскликнул кто-то.

Волк стиснул челюсти. Бывший обладатель трезубца лежал на спине, где и упал; грудь его тяжело вздымалась. Из-под забрала торчал черный от щетины подбородок. Парень был безоружен и даже не пытался подняться на ноги. «Гладиус» в волчьей лапе, судя по всему, его заворожил. Звуковой фон кровавадной толпы немало этому способствовал.

– Убей! Убей! Убей!..

Страйкер посмотрел по сторонам. Там, сям и здесь распластались на арене бездыханные тела. Все трое, судя по всему, испустили дух. И повсюду в глаза бросались кроваво-алые пятна. Кровь образовала лужи, полосы, кривые, и даже спирали.

Таран решительно ткнул опущенным пальцем.

Волк оскалился и покачал головой. Он не собирался делать ничего более того, что он уже натворил. Защищать собственную жизнь – одно, и совсем другое – убить безоружного по чьей-либо прихоти. Страйкер отнюдь не считал себя положительным персонажем. Он, в конечном итоге, послужил причиной гибели собственной Стаи. Любить безволосых у него не было оснований, однако Волк не желал убивать по указке. Заставить же его очень непросто. Хэнк знал о том столь же хорошо.

Тем не менее, он кивнул куда-то в сторону.

В следующую секунду шею Страйкера обожгло электрическое пламя. От неожиданности пальцы Волка разжались. Меч выскользнул прочь из ладони, и, ткнувшись в острый песок, рухнул на гладкую блестящую спину. Боль терзала нервные окончания Курта, старалась забраться прямо в мозг. И все-таки, она была вполне терпимой. Страйкер мог стоять на ногах и сознавать, что происходит вокруг.

Этого собственно, тюремщики и добивались. Ошейник мог в считанные секунды сообщить нервной системе Волка заряд такой интенсивности, что пребывать в сознании не смог бы даже слон, не то что паренек, не достигший даже жалкого центнера. Однако, Курт находился не в своей камере, и не на тренировочной площадке. Все это было очень серьезно. В непосредственной же близости находился субъект, который все так же хотел убить мохнатого монстра, дай только шанс...

Именно поэтому Таран с подручными могли щелкать тумблером лишь до определенного предела. Пока «волчонок» находился в Яме, он должен отдавать отчет собственным действиям. Кроме того, упади Страйкер без сознания, и бой можно было считать проигранным – Клинок, потеряв трех своих бойцов, получит все деньги.

Именно этому – Волк был уверен – Хэнк лихорадочно соображал, как же ему выкрутиться из этой неприятной ситуации, не ударив в грязь лицом, а лишь укрепив репутацию... На таковой, разумеется, далеко не самым благоприятным образом скажется то обстоятельство, что легендарный Таран был уже не способен управляться с собственными подопечными. Толпа же не уставала требовать крови.

Ее скандирующий вопль отдавался в ушах Курта болезненной пульсацией. «Убей! Убей! Убей!..» От этой дробы, казалось, дрожала земля под ногами. В жизни Страйкера такое с ним случалось впервые. Его уже просили об убийстве (и даже заплатили), но, чтобы такое число людей делали это одновременно, руководствуясь одной животной потребностью растерзать ближнего своего (ради которой, впрочем, не настолько хотелось рисковать собственной шкурой – как на боксерском поединке, рестлинге, на том же хоккее, и даже поблизости от какой-нибудь жуткой автомобильной аварии, когда нога невольно тянется к педали тормоза...)... Это пугало.

Безволосый, лишившийся трезубца, лежал на спине и восстанавливал дыхание. Выпученные глаза тарачились на Волка из прорезей забрала. В них был написан дикий ужас. Ему также, вероятно, впервые приходилось слышать такие призывы – в свой адрес, естественно. Но был ли он любимцем толпы, – шел ли у нее на поводу, исполняя каждый каприз?..

Отчего-то Страйкер в том не сомневался.

Развернувшись, он двинулся прочь. К тому месту, куда должна спуститься узкая лесенка. Ошейник тем временем продолжал терзать шею, не прибавляя, и не убавляя напора. Осталось недолго – Топор либо отключит питание, либо же приведет регулятор в верхнее положение. Но на такое Хэнк согласия дать никак не мог.

Что же он сделает?.. Этот вопрос пульсировал в мозгу Курта в такт с электрическими волнами.

Но делать, собственно, ничего не пришлось.

Страйкер как раз проходил мимо трезубца, присыпанного песком. Для того, чтобы взять грозное оружие, Волку требовалось приложить слишком значительное усилие... Разумеется, в данной ситуации, – электричество, свернувшись в черепе мотком колючей проволоки, только и дожидалось, когда Курт изменит положение тела, чтобы отобрать у него все управление. Наклонись он к земле, и подняться уже вряд ли удастся.

В голове шумело, перед глазами плясали темные пятна. Уши закладывало от безумного крещендо толпы. «Убей! Убей! Убей!..» Мысли превратились в облако бесноватых светлячков. Страйкер уже с трудом понимал, где он находится, и находился ли вообще. Он уподобился слепому щелку, что едва успел покинуть утробу матери...

Как тут внимание его привлекла некая странность. Собственно, Курт даже не задумывался над тем, что же конкретно он увидел. В отполированных до зеркального блеска ножах трезубца мелькнула отраженная тень – аккурат за спиной Волка. Она двигалась быстро, и почти мгновенно исчезла из трех стальных зеркал.

Если бы Курт начал задумываться, то наверняка бы не успел. Вместо этого он поддел трезубец ногой. Простое движение, и длинная металлическая рукоять полетела в открытую ладонь. Голова Страйкера тем временем поворачивалась в сторону потенциальной угрозы.

Гладиатор бежал к противнику большими шагами. Правая рука поднялась к самому уху для единственного удара. В ней сверкал «гладиус», – тот самый, что выпал из волчьей лапы. Забрало шлема приоткрылось, за ней темнело изуродованное яростной маской лицо. Рот безволосого был широко открыт, будто черное дупло. Волк отчетливо видел, как оттуда вылетают хлопья слюны. Безволосый что-то кричал, но Курт не слышал ни звука. Он сосредоточенно глядел, как солнечные блики пляшут на гладкой поверхности клинка, отстраненно замечал пятна свернувшейся крови. Картина, что ни говори, была очень пугающей – как ночной кошмар.

Как бы там ни было, куда больше Волка беспокоили назойливые судороги в шее, а также тот невеселый вопрос, не лишится ли он сознания в самый ответственный момент.

Наконец в открытую ладонь что-то толкнуло – казалось, успела миновать целая вечность. Пальцы автоматически сомкнулись на гладкой рукояти. Нейроны отметили спокойную прохладу металла. А в следующее мгновение Волк совершил свой бросок.

Таран его такому не учил. Более того, говорил, что это опасно, равно как и малоэффективно: можно связки повредить, а то и мышцы порвать. Однако, у «волчонка» уже не было времени на такие размышления. Он действовал автоматически, как бездумный автомат. Никогда еще ему не доводилось метать копьё – ведь трезубец, по сути, был тем же копьём – таким образом. Он не видел, чтобы кто-либо делал подобное.

Но мышцы сократились, а суставы согнулись и вновь распрямились, будто им каждый день доводилось выполнять аналогичные действия. Волк толкнул трезубец от бедра, без замаха, из катастрофически неудобной позиции. Чем-то это напоминало популярное движение при игре в бильярд. Трезубое оружие со свистом устремилось к цели.

Долю секунды спустя в плечевом суставе Волка что-то щелкнуло. Шары с порядковыми номерами прервали свой /и без того/ неспешный полет – из чистого любопытства. Один из них, задетый пролетавшим трезубцем, устремился к безволосому – с символом «0».

Безволосому оставалось пробежать всего несколько шагов. «Гладиус» уже готовился опуститься на ключицу Курта, круша кости и рассекая плоть, пытаясь добраться до самого

сердца... Но движения гладиатора казались странно заторможенными, тогда как трезубец мелькнул стальной молнией. Холодная вспышка, за которой остался инверсионный след.

Момент, когда эта молния ударила в грудь безволосого, каким-то образом «вывалился» из пространственно-временной ткани, – во всяком случае, его пропустил даже Волк, не говоря обо всех остальных. Прозвучал тихий хлопок, а затем длинные лезвия материализовались внутри грудной клетки гладиатора. Тот не успел и рта закрыть, как, отброшенный силой удара, полетел в обратном направлении. Сандалии оторвались от твердой поверхности. Тело приняло горизонтальное положение. Путь его отмечали крошечные кровавые капли – вырываясь из трех глубоких ран, они повисли в воздухе дисперсной полосой с такой непринужденностью, будто бы законы гравитации были не для них вовсе писаны...

А затем время сорвалось с катушек.

Действительность вернулась к своему обычному ритму. Звуки ворвались в черепную коробку Курта, словно набирающая обороты турбина. Образы атаковали глаза, по оптическим нервам продрались непосредственно в мозг. Восприятие пульсировало нестерпимым спектром красок, от которых Страйкер был избавлен в течении некоторого времени. Помимо того, каким-то образом он успел позабыть, что привык ежесекундно обрабатывать гига- и мегабайты бесполезной информации, – а не только то, что нужно. Реальность была слишком быстрой и шумной. Запахи пробирались в ноздри, терзали рецепторы насыщенностью оттенков. Над Ямой, как оказалось, висел густой и тошнотворный запах человеческой крови.

«Убей! Убей! Убей!...» – продолжал кто-то истошно скандировать. Но и он заткнулся через несколько секунд.

Повисла тишина.

Курт посмотрел на гладиатора, к которому вернулся трезубец. Но на этот раз стальная рукоять торчала из крепкой груди и качалась из стороны в сторону – в такт угасавшему дыханию. Три лезвия обрамляли кровавые лужицы, собравшиеся в ямках меж ребер. Но и там кровь не задерживалась, стекая на песок уверенными струйками. Сами же пробоины едва слышно булькали и пузырились – легкие травили воздух.

Здрав голову, Страйкер огляделся. Безволосые, храня полное молчание, таращились на победителя. Таран улыбался, – широко и торжественно. Только сейчас Волк сообразил, что боль в шее исчезла.

Затем грянули аплодисменты.

Так Волк стал легендой – с первого боя.

Он проснулся знаменитостью, и даже не подозревал об этом. Слухи о новом бойце /и без того известного Тарана/ поползли по Клоповнику. Они проникали в самые глубокие норы, щели и каверны, тревожили обитателей и бередили интерес даже у самых равнодушных. Волк – гладиатор? Такого еще не бывало.

Клоповник кишел от обилия противоречивых слухов. Новости здесь, как в средневековье, передавались преимущественно вербально, оставив позади даже Сеть, – с ее формальностями и скрытым контролем. Поэтому искажение информации являлось непрямым обстоятельством. Что-то приукрашивали, но что-то кануло в Лету. Те немногие счастливики, которые лично присутствовали на «эпохальном представлении», играли роль просвещенных, и осведомленных знатоков. Кое-кто, обладавший даром рассказчика, собирал большие аудитории, где любой желающий мог узнать «обо всем этом из самых первых рук» – за весьма умеренную плату. Частенько, впрочем, из толпы звучали обвинения в плагиате, вранье, либо же вовсе в том, что «Ты там никогда, поди, и не бывал?!» Создавалось впечатление, будто такие моменты публика обожала больше всего: все, давясь от хохота, наблюдали, как представители конкурирующих фирм лупят друг друга почему зря.

Узнай Волк об этом, он бы сильно удивился.

Он знал только о том, о чем Таран рассказывал сам. В первые два дня тот, как правило, только бурчал, хотя и не мог скрыть торжества. Причиной же такого неудовольствия служило то, что Страйкер все-таки потянул лапу, которой совершил свой феноменальный бросок. Это болезненное обстоятельство всплыло наутро, когда Волку с трудом удалось почистить зубы. Тем не менее, жаловаться было не в его привычках – особенно ненавистным тюремщикам. Он отправился на тренировку.

При первой же атаке Хэнк понял, что к чему. Он долго ворчал и поручил одному из гладиаторов – к которому Курт относился более-менее лояльно – осмотреть поврежденную лапу. Когда же осмотр не выявил чего-либо серьезного, Таран облегченно вздохнул. Он велел перевязать лапу теплой тканью и строго-настрого запретил Волку нагружать ее без нужды. «Лишний повод потрудиться над левой, – ворчал безволосый, – она у тебя хромает... Вчера ты едва не промазал, локоть нужно держать...»

Таким образом, Курт был благодарен правой конечности за то, что почти четверо суток провел в относительном покое. Тренировки длились всего два часа, после чего узника препровождали в обход «качалки» обратно в камеру. Волк хотел было и дальше симулировать, но провести Тарана было не так уж просто. На пятый день, когда боли в мышцах практически прошли, безволосый сразу же распознал обман. «Эк, хитрец... Зря ты так».

В Клоповнике Яма была далеко не единственная. По утверждениям Тарана, все остальные представляли собой не что иное, как бывшие сортиры. Однако, гладиаторские бои происходили не только в этом квартале (полновластным хозяином которого, по сути, являлся сам Хэнк). Имели место и, так сказать, «выездные встречи», – как случай с Джоном Клинком. Именно на эти мероприятия Таран и рассчитывал, потому как опасался транспортировать бесценного пленника куда-либо за пределы Подворья. Это было слишком опасно, да и не имело особо смысла.

Поэтому Хэнк стал куда-то часто отлучаться (игнорируя порой даже тренировки «волчонка»), приобрел портативный терминал с выходом в Сеть, а также долго беседовал с кем-то по видеотелефону. За считанные дни в его поведении проявились замашки дельца, ведущего ответственные переговоры о подписании дорогого контракта.

Так, по сути, и было. «Подняв» первые деньги, Хэнк искал «волчонку» новых противников. Вот только, незадача, местные промоутеры не спешили с необдуманными действиями. Хэнк перехитрил самого себя – первый выход Волка на арену оказался чересчур эффективным. Подобного не ожидал никто. Всем было крайне любопытно, но никто не собирался рисковать понапрасну собственными людьми и деньгами... В первую очередь, конечно, хозяева других гладиаторских Школ – деньги, как и люди, были напрямую связаны друг с другом, потому как являлись действительно «собственными»...

С этими-то субъектами Таран и вел переговоры, вот только все, согласно его утверждениям, «юлили и прыгали, будто кошка на раскаленной сковородке, которой сделали клизму скипидару...». Другими словами, на предложения Хэнка отвечали, однако весьма осторожно и сдержанно. Информации не хватало в катастрофической степени. Бой с парнями Клинка был не столько зрелищным, сколь скоротечным, – на следующий день и впрямь понадобилось много песка. И потому большая часть конкурентов Хэнка по «гладиаторскому ремеслу» с нарочитой любезностью расшаркивались друг перед другом, охотно уступая право первого хода коллегам... Никто не стремился лезть в волчье логово, предварительно не разведав обходных путей. (С предложениями, как гласила народная молва, будто бы обращались даже к Лысому Хью, – если вернее, к небезызвестным Хмырю и Шилу. Неразлучной парочке, разумеется, пришлось изображать хорошую мину при плохой игре, – ни один не желал повторения предыдущего опыта, когда оба чудом вырвались из волчьих когтей...) Но Тарана это испугать не могло.

Он сам рассказал обо всем этом Курту. Вероятно, больше рассказать было некому.

Тем не менее, своей промежуточной цели Хэнк добился – Школа Клинка потерпела сокрушительное поражение. И, по словам самого Тарана, «оказалась в такой глубокой заднице, что выковырять ее оттуда не сможет самый искусный нанохирург...» Стивенсон лишился четырех лучших бойцов, и, само собой, немалой суммы денег. Но это в конечном итоге были пустяки. Бойцов можно обучить, а деньги – заработать. Гораздо сложнее дело обстояло с репутацией, которая, по словам того же Тарана, «подмокла настолько, что ее и микроволновка не спасет...»

Гладиаторский бизнес в Клоповнике (да и где бы то ни было еще) – весьма специфическое и тонкое занятие. В нем, как на арене, выживал сильнейший. Тот, кто сделал неверную ставку, или положился не на того воспитанника (что, впрочем, одно и то же), рисковал вылететь прочь из этого бизнеса, будто пробка из бутылки с шампанским. Его Школа более не будет пользоваться прежним авторитетом, – по крайней мере, некоторое время. Подлатать репутацию очень, и очень непросто.

Проигрыши случались постоянно, ведь в этом, собственно, состояла суть боев. И все-таки, когда опытные ветераны арены проигрывали новичку, что, как правило, случалось раз в пятилетку, это могло одним ударом поставить крест на целой Школе. Обычно фанаты имели представление о возможностях гладиаторов, и делали ставки соответственно. Однако, как в случае с Волком, довериться темной лошадке – противостоявшей ЧЕТЫРЕМ известным гладиаторам, – было бы логично, и будто бы правильно... Но, когда победу в конце концов одерживают не ветераны, а неизвестно откуда взявшийся метаморф, все шишки, естественно, упадут на проигравшего. А победителя, как известно, осудить не так уж просто...

Те, кто поставил на Курта какие-то гроши, через считанные минуты стали богачами (вернее, станут, – как только должники соберут всю требуемую сумму, что, как известно, также очень непросто...). Именно поэтому Школа Клинка не очень скоро начнет представлять для Школы Тарана серьезную опасность. Сам же Хэнк, похоже, в мечтах уже вознесся к вершинам Ульев – как и предсказывал, в Клоповнике ему станет тесновато...

Рано или поздно.

Как бы там ни было, в конце концов Таран отыскал «волчонку» сразу двух противников. Они спустились в Яму один за другим, причем второго пришлось заталкивать внутрь едва ли не под дулом пистолета. Он видел, ЧТО Волк сделал с предыдущим.

Но толпа требовала продолжения, а кроме того, оба гладиатора чем-то не угодили своему хозяину. Пустить их в расход, – под волчий меч, – было гораздо прибыльнее, нежели все остальное...

Первый был облачен в кожаные доспехи, – закрывавшие лишь шею, руки и ноги. На голове у него был причудливого вида шлем с широкими «полями», и решетчатое забрало.

Мускулистая грудь сверкала на груди бисеринками пота, ноги переступали с грациозной неторопливостью. Руки же вращали грозное оружие – металлический шар с десятком острых шипов на длинной цепи. Моргенштерн со свистом летал над раскаленным песком Ямы. Гладиатор орудовал им с завидным мастерством. Оружие было не из самых простых, и все же в умелых руках могло натворить немало дел. Об этом говорили как багровые полосы на речном песке, так и перемотанные тела, которые Страйкер заметил у дальней стены. Их существование (?), похоже, уже никого не интересовало.

Приободренный недавними победами – первые лопаты угля в прожорливой топке, – гладиатор осыпал Волка оскорблениями и угрозами. Курт стоял, не шевелясь, пока Таран не выстрелил из своего пистолета. Его, что ни говори, далеко не каждый день величали «мохнатым мешком с дерьмом», либо же «генетическим уродом», как и другими эпитетами. Таран – тот выражался литературно и правильно...

А «утренняя звезда» тем временем продолжала свой стремительный полет. В голову Волка, как и рассчитывалось, лезли малоприятные мысли о расколотых черепах и переломанных ребрах. Тяжелый металлический шар мог бы перебить хребет, будто тростинку.

Потом грохнул выстрел...

Второй был практически голым, если не считать черной набедренной повязки и кожаных сандалий. Гладиатор был высоким и статным, с могучей мускулатурой, похожей на резьбу по черному дереву. На жестком лице сверкали глаза – белки обступили темные радужки – затравленно и бешено. Парень, очевидно, собирался стоять до последнего... Хотя, с другой стороны, ничего иного ему не оставалось.

Время мольбы и переговоров с хозяином прошло; лестницу подняли, люк Ямы захлопнулся. Обратный путь лежал через мохнатое тело противника, и безволосый намеревался это проверить.

Несколько секунд спустя сверху сбросили оружие – звякнув, оно отскочило от арены. Гладиатор бросился вперед и подобрал оба предмета, опасаясь, как бы противник не проделал это раньше, лишив его последней надежды на выживание. Но Курт не шевелился, – отдыхал после первой схватки. Таковая была на редкость интенсивной...

Оружием гладиатора оказались два коротких, изогнутых меча. Лезвия блестели в солнечном свете и походили на огненные полумесяцы. А когда безволосый скрестил их, подняв над головой, они превратились в грозные, невероятные ножницы. Мышцы гладиатора сократились, а вместе с ними щелкнули лезвиями оба меча – демонстрация того, как именно голова Курта отделится от мохнатого туловища.

Кивнув, Страйкер нетерпеливо посмотрел на Тарана.

...Безволосый изумленно воскликнул, когда цепь моргенштерна оказалась на его собственной шее. Волк тянул за оба конца, пока звенья цепи не впились в шею гладиатора, – аккуратно под причудливым шлемом. Возглас сразу же сменился протяжным хрипом. Металл расплющил трахею и двинулся дальше, передавливая артерии, мышцы и хрящи.

– Убей! Убей! Убей!.. – бесновалась толпа.

Но Курт не нуждался в подсказках. Наученный предыдущим горьким уроком, он и так собирался ЭТО сделать. Чтобы выжить в Яме, следовало научиться убивать самому. Его благородство и милость, как в прошлый раз, никто так и не оценит. А в спину, судя по всему, устремится металлический шар с десятком острых шипов...

Ноги безволосого принялись стучать по песку, а пальцы потянулись к цепи, – но притиснуться между собственной шеей и цепью было уже невозможно. Страйкер продолжал методично закручивать цепь по часовой стрелке. Руки безволосого пытались схватить Волка за шерсть, однако в скрюченных пальцах уже не было силы. Из-за решетчатого забрала доносились лишь тихие, неестественные звуки, напоминающие скрипы старого часового механизма, который требовалось заводить специальным ключом. Глаза безволосого округлились до такой степени, что, казалось, вот-вот выпадут из шлема и покатятся по арене круглыми шариками с ярко-красными набухшими сосудами. Металлический шар лежал на песке, забытый и никому не нужный.

– Убей! Убей! Убей!..

Страйкер напряг мышцы. Мгновение спустя под лапами что-то хрустнуло, а шея безволосого безвольно опала на бок. Цепь сдавила ее без малого вдвое, из некоторых мест на голую спину сочилась кровь.

Волк разжал онемевшие пальцы, отступил на шаг. Тело безволосого слегка задумчиво осело на песок, будто отказывалось до конца поверить в подобный исход.

Толпа притихла.

Следом раздались традиционные аплодисменты.

Темнокожий гладиатор прыгнул вперед. Мечи в его руках крутились, будто серебряные пропеллеры. От былой неуверенности не осталось и следа. Грудь и живот лоснились от пота и крови, что стекала из длинного косога разреза, которым «гладиус» отмахнулся от безволосого. Фокус повторился: Курт отступил в сторонку и просунул меч между вращавшихся «лопастей». Пропеллеры сразу же заклинило, а сам негр с поспешностью отскочил, дабы избежать проникающего ранения в грудную клетку...

Страйкер не включился в бой и на пятьдесят процентов – гораздо больше его интересовали обитатели Клоповника, обступившие решетчатый конус Ямы. Волк понимал, что это невозможно, и все-таки подсознательно ожидал заметить одного-единственного человека во всей этой толпе. Лысый Хью отчего-то сегодняшнее представление решил пропустить, однако Курт интересовался вовсе не им. Чтобы попасть на Подворье Тарана, коротышке требовалось преодолеть какую-то пару кварталов.

Ковбою же – спуститься с какого-то из верхних Ярусов Улья.

Но, как Волк ни старался, не обнаружил ни костюм цвета слоновой кости, ни роскошной шляпы, ни /не станет же такой господин ходить два раза подряд в одном и том же наряде?!/ ухоженных усов, ни даже какого-то намека на аромат жасмина. Вонь немых тел забивала все.

Конечно, Ковбой мог явиться сюда, замаскировавшись под традиционного обитателя Клоповника, закутавшись в серые лохмотья и искусственный запах затхлой немывости... Просто для того, чтобы проверить, как поживает его незадачливый киллер.

Только... Зачем ему это?

Вряд ли Ковбою вообще было известно, что последний Волк уцелел. Ему должно быть достаточно известия о том, что Стая полегла в своем же Убежище, все стены которого стали похожи на абстрактное граффити в кроваво-бетонных тонах...

Если же каким-то чудом Ковбой был в курсе событий, то это известие наверняка его не слишком взволновало. С высоты пентхауса Улья обитатели Гетто – не говоря о Клоповнике, – казались такими мелкими и незначительными. Яма же, вероятно, и вовсе казалась чем-нибудь вроде Марианской впадины. Тот, кто туда попадал, мог выбраться наверх с тем же шансом, с каким какой-нибудь обыватель выигрывал миллион долларов в голо-визионной лотерее. А Ковбой, судя по всему, не привык полагаться на чудо. За него всю работу сделают другие – их мечи, похожие на блестящие ножницы...

Но Курт пообещал доказать бывшему нанимателю, что учитывать следует даже чудо, – особенно в таких серьезных расчетах. Он выберется прочь из Ямы, чего бы ему это ни стоило. Сколько бы трупов ни пришлось разбросать на этом самом пути.

Темнокожий гладиатор бросился в очередную – судорожную и безнадежную, продиктованную смертельным ужасом – атаку. Кривые мечи в его сильных руках вновь завывали свою кровожадную песню. Однако, в их голосах слышалось столь же много отчаяния, сколько его мерцало в глазах гладиатора. Он понимал, что обречен.

И, тем не менее, не прекращал борьбы.

Нет ничего более позорного для гладиатора, – Таран о том неоднократно замечал, – чем опустить оружие и молить о пощаде. Таковую может дать только Судьба. Ею же распоряжались простертые вверх или вниз указательные пальцы. Опустит гладиатор мечи, и с ним сразу же расправится негодующая толпа: от его смерти (либо же маловероятной победы) зависели немалые деньги. На арене это приравнивалось к саботажу на подпольных (а впрочем, и надпольных) кулачных боях. Несмотря на то, что процентная ставка Страйкера значительно превышала ставку чернокожего, такой исход приравнивался бы к обоюдному проигрышу. В этом случае Курт также разочаровал бы толпу – ему не было особой нужды убивать этого мускулистого парня.

Но для того уже все было решено. Он мчался в атаку, вращая клинками. И тогда Волк понял, что тянуть дальше бессмысленно. Он хотел как можно скорее покончить со всем этим и отправиться обратно в камеру – смотреть головизор и думать о будущем.

Страйкер шагнул навстречу. Его мохнатая лапа устремилась вперед одним неуправляемым движением. «Гладиус» встретил клинок, дико лязгнув металлом, полетели искры. Серебристый пропеллер заглох – в который раз. Волк вставлял палки в колеса собственной смерти. Инерция удара была слишком сильна, лапа болезненно заныла. Но Курт потянулся левой и схватил запястье противника. Ему вновь казалось, что время стыло маслянистыми сгустками (бильярдные шары куда-то подевались, – транс никогда не происходил одинаково). Рука чернокожего будто плыла в сладкой патоке, обхватить ее когтистыми пальцами не составляло никакого труда. Курт напряг мышцы, однако не слишком сильно, чтобы не сломать кость или не повредить сухожилия. Он не хотел, чтобы противник потерял кривой меч – тот ему еще понадобится.

Но клинков было двое. Другой продолжал движение к волчьей глотке. На этот раз парировать его не представлялось возможным – невзирая на притормозившее время /остановить которое также было невозможно/, «гладиус» весил не так уж и мало. Негр же слишком быстро раскрутил свой пропеллер. Курт понял, что не успеет. Поэтому ему не оставалось иного выхода, кроме как разжать пальцы. Рукоять короткого меча полетела к поверхности Ямы, в то время как правая лапа Страйкера устремилась к цели. Ему пришлось немного отклониться, чтобы убрать с траектории шею и голову. Лапа метнулась вперед разъяренной коброй. Какое-то мгновение спустя пальцы сомкнулись на втором запястье противника, образовав нерушимое стальное кольцо. Рукоятка же изогнутого клинка осталась зажатой в кулаке противника.

Над Ямой сгустилась тишина. «Гладиус» плашмя ударился о теплый песок – будто гром ударил.

Волк улыбнулся. Его губы раздвинулись, обнажая острые зубы. Негр сразу же понял, что глядит в лицо собственной смерти. Пощады не будет. Он упустил свой шанс.

– Убей!.. – крикнул кто-то.

И толпа заволновалась. «Волчонок» явно делал что-то не то – его противник по-прежнему был вооружен, меч же Курта валялся где-то под ногами. Кроме того, Волк занял заведомо неудобную позицию. Кто же так делает?! – наверняка негодовал Таран с вершины купола. Негр выглядел крепким, очень крепким. И в то же время видимость – далеко не все.

Затем Страйкер напрягся. Он надавил на запястья противника, и начал их неумолимо сдвигать. Негр ослабилась и расставил ноги шире, для пушей устойчивости. Смерть уже нависла у него над плечом и нашептывала сальности, и все же он хотел попытаться.

Но мгновение спустя стало очевидно, что эта попытка сродни намерению остановить горный обвал голыми руками. Волчья хватка усиливалась с каждой секундой. Чернокожий гладиатор с отчаянием сознавал, что ничего не мог сделать. Мышцы под темной кожей вздувались, словно канаты, но их мощи хватало ровным счетом настолько, чтобы на считанные секунды отдалить неизбежный конец. Не и только.

Волк же стоял, не двигаясь с места, и только сдвигал запястья негра ближе друг к другу. Казалось, он вовсе не замечал оказываемого ему противодействия, а сосредоточенно что-то обдумывал. Но всего-навсего казалось. На самом же деле противник был силен, очень силен, – гораздо сильнее большинства безволосых, что когда-либо Курту встречались. Это было испытание на грубую силу – в нем, разумеется, должен одержать победу самый сильный. Сейчас же Волк находился в пике физической формы, – сия вершина была куда острее и выше, нежели когда-либо еще в жизни Страйкера. Тренировки Хэнка, чего и следовало ожидать, не пропали даром. Это было заметно далеко не так, как под лоснящейся от пота черной кожей, но под волосатым покровом мышцы Волка напряглись не менее, чем у его безволосого противника.

Изогнутые клинки неумолимо приближались к мускулистой груди гладиатора. От страшного напряжения она превратилась в уродливую, бугристую массу. На пути блестящих лез-

вий не было ничего, кроме бесплотного воздуха. Дистанция сокращалась с каждой секундой. Толпа затихла и затаила дыхание, будто одно живое существо. Все напряженно глядели, как два титана мерялись силами. Кое-кто заключал скороспелые пари – в основном, вероятно, на время – результат был очевиден.

Безволосый пытался разжать пальцы, чтобы отпустить рукояти мечей, однако Страйкер держал слишком крепко. Когтистые лапы пережали мышцы и сухожилия, и, разумеется, перекрыли доступ крови к черным пальцам. Те не могли даже шевелиться, не говоря уже о каком-либо целенаправленном усилии. В этом капкане не было выхода.

Курт, не отрываясь, смотрел в глаза гладиатора и видел, как паника сменялась безысходным отчаянием. Страх преодолел в этих самых глазах весь спектр: от холодной неуверенности до бессильной покорности. А в отдалении уже виднелся предсмертный ужас. Его морозные хлопья уже облепили черные радужки, будто хлопья азота в космическом вакууме – иллюминатор. И это толстое стекло вот-вот грозило лопнуть.

Видимо, безволосый также это чувствовал. Волк тут же понял, что гладиатор намерен что-то предпринять – безрассудное и конвульсивное, сродни обычной судороге. Прежде всего, парень изменил центр тяжести. Это было не так уж и просто, потому как, сделай чернокожий одно неосторожное движение, и мечи сами найдут дорогу к его сердцу.

И все-таки гладиатор сумел. Он отодрал от песка левую ногу и толкнул ее вперед, аккуратно по направлению к гениталиям Волка. Удар был коварным, и в то же время довольно умелым. Страйкер не без труда увернулся, – нога противника скользнула по бедру.

Волк не стал терять времени даром. Он толкнул чернокожего парня, и тот не смог удержаться. Оба гладиатора повалились на песок. Курт оказался сверху, ни на мгновение не ослабляя хватки. Сверкающие клинки по-прежнему глядели в грудную клетку, затянутую крепкими мышцами и шоколадной кожей. Это был вопрос времени.

А затем безволосый завопил – в этом крике звучала обида на весь мир. На этом моменте завершалась его столь недолгая жизнь. Исправить ничего уже было нельзя. Острия мечей коснулись черной кожи, двинулись дальше. Выступили первые капли крови, тут же превратились в целеустремленные струйки. Момент, когда лезвия пронзили кожу и коснулись мышечных тканей, остался Куртом незамеченным. Он навалился на мечи всем своим весом. Вопль, что рвался из горла поверженного гладиатора, превратился в жуткий, надрывный вой. Он мчался над ареной, отражался от стен и норовил вырваться за пределы купола. Но затем превратился в тихое бульканье. Клинки раздвинули ребра и вонзились в легкие. Кровь мгновенно затопила все полости и рванулась дальше, по носоглотке. Из рта и ноздрей показались алые струйки. Глаза закатились, показались блестящие в солнечном свете белки.

Считанные мгновения спустя все было кончено.

Страйкеру уже не было нужды держать запястья противника. Руки, а также ноги безволосого сотрясала конвульсивная дрожь. Сандалии поднимали миниатюрные песочные бури.

Поднявшись на ноги, Волк взглянул по сторонам. Толпа безмолвствовала, потрясенная увиденным. На «волчонка» уставились десятки любопытных, озадаченных глаз. Некоторые глядели на тело, из груди которого торчали две рукояти изогнутых мечей. Сострадания в этих глазах, однако, было немного. Курт его, во всяком случае, не разглядел.

А потом последовали традиционные аплодисменты.

Целых девятнадцать дней ничего необычного не происходило.

Волк даже успел заскучать.

Слава его тем временем росла и крепчала, с каждым днем обрастая все новыми нелепыми подробностями. Казалось, в Клоповнике не осталось никого, не слышавшего о победах Волка-метаморфа. Порой Курту казалось, будто его именем местные мамы страшат непослушных детишек (и в этой догадке он был не далек от истины...) По утверждениям обита-

телей Подворья – которые имели какие-никакие контакты с окружающим миром – персона Волка становилась все колоритнее. В частности, народная молва успела наградить любимца без малого двенадцатифутовым ростом, когтями, как мясницкие ножи, клыками, как зубцы у садовых граблей, и глазами, словно полицейские прожектора. Отчасти слышать об этом было забавно.

Страйкер в некотором роде превратился в легенду местного значения, ибо при жизни стал персонажем того самого пресловутого «городского фольклора». Такой чести до него удаивались немногие, – два-три гладиатора, отошедших в Лету крайне интересным способом, прославившиеся кое-чем главари уличных банд, наемные убийцы, прозаичные мясники, террористы, буйные безумцы, грабители банков, Таран, Лысый Хью (во многом благодаря помощникам, которым по праву принадлежали две трети его сомнительных заслуг), а также, разумеется, сам Король – негласный (впрочем, с какой стороны поглядеть) глава преступного (иного здесь попросту не было) дна Клоповника. Слава предыдущих носителей этого уникального прозвища досталась ему по наследству, прибита к спинке трона семидюймовыми гвоздями (на них, по слухам, во время правления особо «милосердного» персонажа, болтались головы подосланных к нему убийц). В галерее этих портретов Волк занял особое место. Ему никто не завидовал, и в то же время любовались издали. Ближе Хэнк Таран просто-напросто не подпускал – но и сам не приближался.

Жизнеописание Курта также получило массу всевозможных трактовок – в Клоповнике знали, что никто пока не родился гладиатором. Высказывались всевозможные версии, – от искусственного появления Волка на свет, в какой-то нелегальной лаборатории, до самого естественного, из утробы обычной женщины (эта гипотеза, как правило, пересекалась с мистическими и сверхъестественными «сведениями»). И в то же время, никто из досужих мыслителей, судя по всему, не догадался связать появление «волчонка» с недавними событиями на техническом уровне Улья...

Да и кому, впрочем, интересно знать, что Курт – всего-навсего последний из Стаи?.. Гораздо интереснее предполагать, благодаря какого рода воздействию на свет мог появиться данный уникум.

Таран же умело хранил свои секреты.

Для его бизнеса, в конечном итоге, тем более благоприятным оказалось то обстоятельство, что Волчье Племя наконец получило долгожданную амнистию. Только выходить из подполья осталось некому, – во всяком случае, в Мегалополисе. Но Страйкер подозревал, что и в других городах под куполами также. Мировое сообщество осознало свой промах аккурат в тот момент, когда это не влекло практически никаких последствий (если не считать прочувствованного сотрясения воздуха с высокой трибуны).

Сделано, господа присяжные заседатели. На эксперименты с геномом был наложен мораторий – до лучших времен, когда скелеты последних Волков будут украшать музеи ДНК. Те единицы, что уцелели, просто-напросто не могли приспособиться к новым условиям. Они умели только прятаться и выживать. Амнистия – после долгих десятилетий гонений и пыток – воспринималась как хитроумный трюк безволосых, чтобы заманить противника в капкан. Троянский конь в овечьей шкуре.

Курт с отчаянием подумал, что его сородичи – возможно, даже настоящая Стая, – могли обитать где-то неподалеку, а он никогда об этом не узнает. Волчье Племя научилось СЛИШКОМ ХОРОШО прятаться и выживать. Вероятно, его собственная Стая до этих самых пор была бы цела, сыта и невредима, если бы не самонадеянная глупость одного молодого Волка, вызванная страшной болезнью сестры...

Стоила ли ее жизнь таких страшных последствий? Курт задавал себе этот вопрос ночь за ночью, но так и не нашел ответа. Порой ему казалось, что – нет, но через мгновение убеждался, что ничего бы не изменил, представься ему такая возможность.

Порой ему казалось, что его направляла некая странная, целеустремленная сила, которая разглядела за волчонком смутное Предназначение. Эта самая сила, казалось, обладала собственными сознанием и волей. Еще она считала, будто ей по силам творить с «подопытным» все, что заблагорассудится, руководствуясь на пути достижения неведомой цели сугубо собственными соображениями. А Волк хотел лишь отомстить. В этом, как он подозревал, его устремления, а также цели загадочной силы совпадали.

И это пугало его больше всего...

Потому что путь мог оказаться слишком долгим.

Таран тем временем не находил себе места.

Все вышло не вполне так, как он предполагал. Ввиду необычной профессии, а также уникальных возможностей, которые он получил в довесок к Страйкеру, тренер гладиаторов видел перед собой одну-единственную цель – «воспитать» идеального бойца. На пути к цели не жалел сил, времени и средств, почти махнув рукой на остальных подопечных. Однако, когда он уже начал понимать, что цель практически можно потрогать руками, все приняло не вполне ожидаемый оборот.

В частности, Хэнк терзали совсем иные проблемы, нежели его мохнатого пленника.

Ибо где найти идеального противника для идеального бойца?..

Клоповник быстро исчерпал свои ресурсы. Джо Клинок попался впросак исключительно из собственной неосмотрительности, что, в свою очередь, было спровоцировано нехваткой информации. Кроме того, Хэнк Таран был никак не склонен недооценивать собственную гениальность, благодаря которой давнишний враг угодил в ловушку.

Двое других, чернокожий и тот, с моргенштерном, были практически не в счет. «Волчонок» справился с ними играючи, даже не запыхавшись. И наверняка одолел бы их еще раз, одновременно или по очереди. Это было слишком легко, толпа сразу почувствовала.

А эта капризная, избалованная и строптивая дама не любила, когда ее любимцы были слишком предсказуемы. Но больше она не любила разочарований. Любимец не подвел, потому как подобного исхода ожидали практически все, за исключением небольшой кучки упрямцев, которые мечтали увидеть, как кишки метаморфа будут размазаны по арене. Они проиграли. Их деньги были поровну разделены между теми, кто сделал верный выбор. Этой суммы, конечно, было не достаточно, чтобы остались довольны совершенно все. В то же время Таран изо всех сил старался убедить себя, что это всяко лучше, чем ничего. Не получалось. Ведь, рано или поздно, даже кучка упрямцев научатся уму-разуму.

Когда сильному бойцу противостоит заведомо слабый, на какие-то значительные дивиденды рассчитывать не приходилось. Если «волчонок» не перестанет (с другой стороны, не хотелось бы) расправляться с любым противником, на последних просто никто не поставит. Или: если на ипподроме к финишу раз за разом будет приходиться одна и та же лошадь, откуда в кассе возьмется выигрыш? Даже ту недавнюю парочку Хэнку удалось добыть для Курта благодаря тому, что их владелец крупно Тарану задолжал.

Но что делать дальше?..

Все остальные Школы, которых и без того было не слишком много, наотрез отказывались выставлять своих гладиаторов. А Хэнк, как на зло, не мог даже попытаться осмелеть их малодушие. Речь шла не о каком-то простом гладиаторе, а о живом метаморфе. В Клоповнике такое явление было далеко не заурядным – сродни некой диковинке, дожда с безжизненного Купола, или же говорящих лягушек. Страйкер был незаурядным уродцем, которого не воспринимали всерьез, но и рисковать понапрасну не собирались. Ведь у этого уродца была сила танка, выносливость железобетонного бункера, и скорость баллистической ракеты. По этой причине любые потенциальные противники имели право без каких-то последствий отклонить вызов. В Яме им противостоял бы не заурядный человек, а мохнатый уродец.

Смертельно опасная нелепица.

Таким образом, Таран едва ли не впервые в жизни нос к носу столкнулся с неразрешимой дилеммой. С одной стороны, ему хотелось продолжать делать на пленнике деньги, с другой же, не хотелось подвергать его жизнь серьезной угрозе. Потому как, если и дальше рассуждать в этом ключе, источник денег мог физически прекратить свое существование. Но, чтобы заработок был адекватен содержанию узника (иначе говоря, чтобы выигрыш хотя бы вдвое перекрывал расходы на его содержание), необходим фактор риска. Но где отыскать бойца, противостояние которому грозило метаморфу явным риском? Хэнк мог попытаться и сам, однако в то же время сомневался, что ему ТЕПЕРЬ по силам одолеть своего же воспитанника. Собственную шкуру, как-никак, Таран ценил куда больше, нежели чью-либо еще.

Ну просто замкнутый круг. И, казалось, более-менее подходящее решение отсутствовало напрочь. Хэнк же был далек от того, чтобы, невзирая на отменное владение мечом, уподобиться героям древнегреческих басен... Рубить сей узел с плеча было не лучшей идеей.

Но, как оказалось, он выбрал для поисков не вполне верное направление. На самом же деле нужное решение лежало вдали от того, что называли «человеческим фактором».

Идея пришла неожиданно, как и все гениальное.

Хэнк сидел в кабаке, – затхлом и мрачном, как и большинство заведений в Клоповнике, – когда вдруг заметил у бармена одну штуку, на которую прежде не обращал особого внимания. Это был кибер-протез, жужжащий при каждом резком движении. Вместе с тем, стальная рука выглядела весьма внушительно, и, как оказалось, была напичкана кучей полезных вещей – от зажигалки до армейского штык-ножа.

Таран тут же заинтересовался увиденным, хотя и не мог бы вразумительно ответить, какие именно ассоциации возникли у него в голове. Такие игрушки не часто увидишь в Клоповнике, – в основном потому, что подавляющей части населения они было не по карману. Но бармен считался человеком зажиточным. В том, что он сменил руку на полулегальное кибернетическое приспособление, не было ничего удивительного. Тем не менее, Хэнк отправил верных «адъютантов» к барной стойке.

Вернувшись, те поведали, что родную руку, доставшуюся от мамы и папы, бармен потерял в какой-то потасовке (когда один из разбушевавшихся клиентов, достав лазерный резак, принялся махать им направо и налево). И что впоследствии о том не жалел.

На вопрос же Тарана о том, где тот раздобыл такую машинку, Нож сказал заговорщическим тоном:

– В Запретном Городе.

Это прозвучало громом с ясного неба. А затем Хэнк подумал: естественно, в Запретном Городе, где еще?! Именно это местечко, в чем-то конкурировавшее с самим Клоповником, служило основным поставщиком в Гетто подобных штуквин. Разумеется, в обход полиции и других муниципальных властей... Собственно, полиция и все прочие власти сами по мере возможности ходили в обход Запретного Города.

Так было правильно, и считалось самым собой разумеющимся.

Таран же крепко призадумался. Вероятно, он искал не в том направлении – среди обычных людей из плоти и крови, тогда как нужно было присмотреться к таким вот машинкам из стали и электронных плат, – только побольше, для того, чтобы степень риска выросла до нужного уровня? Из этой идеи можно было сделать настоящее шоу... При должной сноровке, конечно. Но ее у Хэнка было в избытке.

Тем не менее, еще пару дней он ходил сам не свой. Другие Школы хранили молчание. Никто не желал связываться с мохнатой диковинкой. Даже Лысый Хью, которому Таран поручил искать противников для Волка по своим каналам – также притих. Хмырь и Шило, которым Хэнк посулил баснословный гонорар за попытку реванша, всего-навсего посмеялись над этим

предложением. Им, как они заявляли, на том свете деньги вряд ли не понадобятся – на другом берегу им и так делать нечего...

Таким образом, Таран закономерно пришел к неутешительному выводу, к какому до него приходила не одна тысяча рискованных коммерсантов – мол, делать нечего, авось повезет...

Главное, чтобы планка необходимого риска не взлетела слишком высоко. А именно, чтобы «волчонок» не сломал себе зубы о всякого рода металлические детали и приспособления. Это, конечно, была бы сенсация, но в то же время не слишком удачный конец.

Как бы там ни было, сидя на месте ничего не выяснишь. Таран отправил в Запретный Город «адьютантов», о чем раскаялся через несколько часов. С ними так внезапно прервалась связь, будто мобильные провалились в черную дыру. В этом, собственно, не было ничего удивительного (мало ли что могло случиться). Да и Нож с Топором – та еще парочка. На завтрак они ели гвозди с металлической стружкой. Сделать их обоих мог только крутой сукин сын, не уступающий тому же Волку.

Однако, когда оба упорно не выходили на связь в течении полутора суток, Таран стал волноваться по-настоящему. Ехать самому (вернее, в сопровождении целой Школы) было бессмысленно – Запретный Город был полон сюрпризов и укромных местечек. Кроме того, Школа приравнивалась к организованной преступной группировке, в связи с чем у Тарана имелось соглашение с настоящими бандами – не покидать пределов Клоповника «развернутым фронтом». Это могло спровоцировать появление дополнительных проблем, а их у Хэнка и без того хватало.

На утро же второго дня «адьютанты» прибыли на Подворье. Оба были до неприличия рассеяны, и даже слегка задумчивы (что с ними случалось не часто). Во взглядах обоих сквозила какая-то странность, словно они вернулись из места, в котором индивиду с обычным и стандартным мышлением было бы не вполне комфортно. (Так, как правило, себя чувствуют посетители психиатрической лечебницы.)

Как Нож, так и Топор старательно избегали расспросов, покуда за дело не взялся сам Таран. Ему-то «адьютанты» выложили все как на духу, стремясь освободиться от гнета эмоциональных потрясений. Впоследствии Хэнк не особо часто об этом вспоминал, стараясь отгонять воспоминания и воображаемые картины на задворки сознания. Помощники пережили, пожалуй, два самых странных и необычных дня в своей жизни. Но, тем не менее, со своей задачей справились на «отлично».

Они разыскали нужных... людей (честно говоря, Хэнк сомневался, что это нехитрое определение было уместно), и даже провели предварительные переговоры. Дело обстояло за малым, но Таран с большим удовольствием провел бы в Яме пару рискованных боев. Там, по крайней мере, все было просто, привычно, и в чем-то даже обыденно.

Но теперь предстояло тащиться напрямик в лечебницу, где пациенты разгуливали, как ни в чем ни бывало, и всю стремились к заветной цели, – слиться с «машинной расой» воедино...

Хэнк не любил покидать Клоповник.

В основном оттого, что его авторитет незамедлительно сбрасывал в массу пару центнеров, стоило лишь пересечь незримую границу с остальным Гетто. В Клоповнике хозяина Подворья боялись и уважали. Его знали все. Здесь он был реальной силой. А кто знал его извне? Впрочем, те, кто знали, отнюдь не стоили того, чтобы спешить к ним с распростертыми объятиями. Этому же мнения они наверняка были и о Таране. Каждый всегда должен знать свое место, – считал бывший гладиатор.

Нож и Топор показывали дорогу. Таковая на поверку оказалась необычно длинной и запутанным – даже по меркам Клоповника (того еще награждения ветхих хибар и мрачных подворотен). Путь небольшого отряда вел по угрюмым ночным улочкам, вдоль зловещих без-

жизненных зданий и чахлах фонарей, которые, казалось, не столь разгоняли мрак, сколь концентрировали его вокруг себя. Таран, как опытный боец, по достоинству оценил сей нехитрый фокус, – его глаза долго не могли привыкнуть к этой смене освещения, и потому «за кадром» оставалась изрядная часть улицы.

Это было похоже на путешествие в страну теней – в пыльное зеркало, что хранится в древнем чулане, где нет никого и ничего, за исключением зловещего мрака и многообещающих шорохов. Так и Запретный Город. Он принимал визитеров охотно и неторопливо; обволакивал их, будто бетонный саван; смыкался вокруг тенями и бетонными стенами. Даже Купол тут, казалось, был ощутимо ближе к земле. Таран не желал признаваться в том даже самому себе, однако ему показалось, словно они очутились в каком-то глухом саркофаге, откуда не было выхода.

Более того, они оказались тут по собственной воле. Значит, выйти обратно, в привычный мир, будет не так уж и просто. Сперва они должны получить в соответствующем месте ДОЗВОЛЕНИЕ. А также, если повезет, кое-что другое, с чем Таран мог бы позабавить фанатов Ямы. Ему было трудно представить, что какие-то месяцы назад он смог бы пойти на все упомянутые сложности ради одного-единственного боя. Но в зазеркалье, конечно, все было повернуто с ног на голову.

Даже ночь здесь была совсем другая. В это время Клоповник, как правило, кипел бурной жизнедеятельностью (если только не предвиделся массивированный полицейский рейд, что, впрочем, случалось не чаще, нежели ливень с Купола, – когда на одном из верхних Ярусов прорывало канализацию). Тут же было тихо, мрачно и безжизненно, как в том же саркофаге. Редкие прохожие, как правило, бесшумно мелькали на дальних перекрестках, чтобы тут же исчезнуть без следа. Транспорт встречался не чаще, чем на самой заре автомобилестроения (причем шума производил не меньше, – моторы грохотали вдоль бетонных стен, словно стая разгневанных демонов).

Даже тени здесь были другими. В Клоповнике они походили на распахнутые дверные проемы, за которыми были разбиты все светильники и непременно поджидала опасность. Но эта опасность была вполне обычной – нож, ствол или крепкий кулак. В Запретном же Городе тени походили на разверстые могилы, из которых тянуло противоестественным холодом – сквозняком с того света, где по оплавленным микросхемам катались белые черепки, а обнаженные нервы мигали кроваво-красными диодами.

Это место внушало сверхъестественный страх.

Собственно, Хэнк не мог понять, отчего они идут пешком. Но таковы были условия, донесенные «адъютантами». Им, мол, будет предоставлен транспорт на обратном пути (если, конечно, договоренность будет достигнута). Но Тарану уже ничего не хотелось, – только бы как можно скорее очутиться на привычном Подворье, где нет ни мрачных теней, ни странных шорохов, что издавали, казалось, крадущиеся позади конечности из пластика и металла. Подобные моменты наступали в жизни Тарана не так часто. Он привык видеть перед собой обычного противника из белковой плоти и крови. Сейчас ему было не по себе от одного осознания, ГДЕ он находится... И, что самое неприятное, чем дальше – тем, соответственно, хуже.

Нож и Топор время от времени останавливались и совещались, а один раз понурили головы и развели руками – слишком сложно, не вспомнить. Хэнк едва зубами не заскрежетал от злости. Но делать нечего, скрежещи или не скрежещи, а выбираться как-то нужно.

– Звони, – буркнул Таран.

Нож кивнул и достал телефон.

Хэнк с раздражением глазел, как помощник набирает номер, записанный на клочке упаковочной бумаги. Подсветка клавиш и экрана освещала руки и лицо Ножа потусторонним зеленым светом. То обстоятельство, – думал тем временем Таран, – что контрагент не мог даже дорогу по-человечески найти, наверняка приведет аборигенов в бешеный восторг... Если,

конечно, они здесь вообще что-то чувствовали, кроме двоичного кода. Сплошные, блин, ноли и единицы... Уроды.

Нож быстро с кем-то переговорил, отвечая коротко и однозначно, а затем назвал улицу и номер здания, возле которого они застряли. Ответ, как он сказал, был весьма обнадеживающим: «Ждите».

Потянулись минуты ожидания. Таран переминался с ноги на ногу, сжимая и разжимая кулаки. «Адьютанты» втянули головы в плечи, изо всех сил стараясь быть как можно незаметнее. Гнев шефа им был хорошо известен – а еще лучше, туго перемотанные ребра, отдававшие при каждом вдохе резкой болью. Даже в Запретном Городе они ухитрились отличиться.

Но, как бы там ни было, контрагент сработал оперативно.

Сперва Хэнк не понял, в чем дело, когда на противоположном перекрестке промелькнули два красных огонька. Это, похоже, были крошечные диоды, но на темной улице они казались ослепительными прожекторами. Расстояние меж ними не сокращалось и не удлинялось, равняясь приблизительно человеческой переносице. Огоньки остановились на перекрестке и принялись качаться из одной стороны в другую, причем под такими углами, какие человеческой шее были не под силу...

А впрочем, – пожал плечами Таран, – кто их тут знает. Огоньки явно подавали гостям из Клоповника знаки. Вот только те ли это были огни, что нужно, и им ли они предназначались? Хэнк был человеком суеверным, и слышал истории о странных огоньках, заводивших путников прямо в трясину. Запретный Город, по мнению Тарана, был тем же болотом.

«Адьютанты» прояснить ситуации не смогли, а только бестолково пожали плечами (что, в сущности, от них и ожидалось). Контрагент даже не потрудился сообщить, что именно предпримет. И все-таки, делать опять-таки нечего. Перезванивать Хэнк считал ниже своего достоинства. Он вздохнул, и двинулся в сторону огоньков.

Те незамедлительно устремились в противоположном направлении. Скорость их перемещений совпадала с темпом ходьбы визитеров, как бы последние ни пытались нагнать своего провожатого – кровавые огоньки неизменно оставались на одной и той же дистанции. Порой они исчезали из виду, но, поворачивая за угол, Хэнк с «адьютантами» неизменно обнаруживали их, зависшими над асфальтом и качающихся из стороны в сторону в нетерпеливом ожидании. Подобная последовательность, как ни крути, наводила на мысли о чем-то не вполне человеческом. Вместе с тем, простой фауной здесь тоже не пахло. Дистанция от асфальта была чересчур велика, чтобы наивно предполагать, будто эти диоды крепились к ошейнику какого-то животного... Если, естественно, им не являлся жираф.

А впрочем, на детали Хэнку было плевать, – главное, чтобы эти огни, кем (или, что более вероятно, чем) они ни оказались, вывели их к месту назначения. Святой Эльм ведал ли этими проводниками, или же те были простыми светлячками, Тарану скоро стало плевать. Он хотел как можно скорее покончить с этим делом и отчалить /на фиг/ домой.

Как бы там ни было, на пути к финальному пункту визитерам из Клоповника пришлось сделать вторую остановку. Это случилось аккуратно в тот момент, когда красные огоньки возьми и исчезни – ни с того, ни с сего. Просто погасли, провалились сквозь землю, растворились в ночном мраке. Взяли и исчезли, хотя, казалось бы, для этого еще не было оснований. Улица была совершенно пуста. Таран с «адьютантами», разинув рты, еще пару мгновений шли по инерции, прежде чем из ближайшей подворотни прозвучал тихий кашель. Этот звук громыхнул сродни ружейному выстрелу.

Кашель был коротким, аккуратным и сглаженным, без единой неприятной погрешности. Такой кашель можно использовать диск-жокеям на радио (естественно, после многолетних репетиций). С таким непогрешимо-безупречным звуком было бы обычным кощунством прочищать дыхательные пути (разве что каким-нибудь светским львицам с самого верхнего Яруса Улья). С похожим звуком привлекают чье-то внимание, когда обычное «Эй!» звучало бы столь

неуместно, как heavy metal на президентском саммите. И цель была достигнута. Хэнк не без труда удержал челюсть на месте.

На поверку подворотня вовсе не оказалась безлюдной. Там, словно кусок первородного мрака, стоял автомобиль – микроавтобус, черный и обтекаемый, с непроглядно-тонированными стеклами. Номерные знаки отсутствовали, однако это беспокоило Хэнка в последнюю очередь. Куда больше внимания привлекала неподвижная фигура: она-то и служила, похоже, источником того странного кашля.

Таран замер, и, прищурившись, смерил незнакомца взглядом.

Тот оказался высоким, выше Хэнка на шесть-семь сантиметров. Бледное – практически белое – лицо украшали темные очки без дужек, причем Таран так и не смог, как ни старался (списав это в конце концов на ночную тьму), разглядеть места, где стекла не касались кожи. Миниатюрный нос, за которым следовал рот с едва-едва намеченными губами. На белой коже отсутствовали как дефекты, так и щетина (в такое-то время?! какой уважающий себя мужчина станет утруждаться бритьем на ночь глядя?..).

В общем и целом эта физиономия оставляла неоднозначное впечатление. Казалось, ее обладатель показывался на свежем воздухе лишь в случае невероятной нужды, да и то в такое время, когда к нему не смог бы прикоснуться ни один заваливший ультрафиолетовый луч...

Таран передернулся.

Что касалось одежды, в этом незнакомце выглядел вполне пристойно. Его костюм был черным или темно-синим, и наводил на мысли о дорогих бутиках с зеркальными витринами. Черный галстук болтался поверх черной сорочки. Ноги обуты в элегантные туфли с длинными носами. Все перечисленное, как отметил Таран, сидело на странном господине удобно и комфортно – это было очевидно даже при визуальном осмотре. Помехой не могло служить даже такое обстоятельство, как фигура человека. Таковая была несколько непривычна для глаз хозяйина Подворья, привыкшего к литым мышцам и необъятным плечам – худая, с впалой грудью, тонкими ножками и еще более тонкими ручками. Хэнку показалось, будто он смог бы переломить это тельце единственным небрежным ударом, походя задев плечом.

Как бы там ни было, что-то в облике незнакомца заставляло воздержаться от преждевременных выводов. Нечто, утверждавшее о том, что грубая материя и заключенная в ней энергия властны над этим субъектом лишь до определенного предела... Будто бы в его власти было нечто такое, с лихвой компенсировавшее ущербности и недостатки брэнного тела. Схожим образом держат себя миллионеры, переступившие за грань Добра и Зла, регламентированных общественной моралью...

Только Таран сомневался, что незнакомцу были подвластны миллионы (в противном случае тот не стоял бы в этой грязной подворотне). Но, вместе с тем, догадку бывшего гладиатора подтверждало то, что он даже приблизительно НЕ МОГ ОПРЕДЕЛИТЬ ВОЗРАСТ незнакомца. В одно мгновение казалось, будто он еще младше Ножа, в другое же, когда неверный лунный свет падал под иным углом, Хэнк лицезрел своего ровесника. Белая кожа была лишена морщин, глаза же (уж они-то обмануть не могли!..) были скрыты за черными стеклами. Не приходилось, впрочем, сомневаться, что это не женщина и не ребенок. Остальное – скрыто мраком.

Незнакомец молчал.

«Адьютанты» беспокойно переминались с ноги на ногу.

Хэнк кашлянул (это получилось у него так, словно кто-то высосал остатки Кока-Колы со дна пластмассового стаканчика), зыркнул по сторонам, после чего с неизбежностью решил, что тянуть дальше нечего. Жуткий субъект так и будет изображать восковое изваяние (очень, следует отметить, убедительно) до самого утра.

– Э... – протянул Хэнк, затем одернул себя. – Это вы, полагаю, должны нас встречать?..

Белокожий индивид повел головой. Еще малость, и Таран смог бы поклясться, будто услышал, как внутри тощего тела пришли в движение шестеренки и пружины.

– Господин... Таран?

Незнакомец сделал между двумя словами такую паузу, словно ему ни разу в жизни не доводилось выговаривать столь странного обращения. Так, впрочем, это и было. Клоповник и Запретный Город лежали в одном полушарии, однако на разных континентах.

И, как любая встреча представителей иных цивилизаций, конкретная также не могла пройти идеально.

– Он самый, – кивнул Таран. – Едем, что ли?..

Белокожий субъект кивнул в ответ, после чего произвел губами движение, которое вполне могло сойти за улыбку. Тонкая рука повела в сторону машины, а вернее, в сторону пассажирской двери.

– Будьте любезны.

– Куда мы поедем? – недоверчиво поинтересовался Хэнк.

– В нужное место, – сказал незнакомец. – Туда, где состоится встреча. Ваши люди там уже побывали.

Тарану не требовалось смотреть на помощников, чтобы ощутить, как они зябко поежились.

– Ведь такова была договоренность, – заявило «восковое изваяние». – У вас есть возражения?..

– Нет, – буркнул Таран.

Он вошел в подворотню и направился к пассажирской двери автомобиля. Сознание бывшего гладиатора, вышколенные многолетним общением с прямой и явной опасностью, каждое мгновение ожидало подвоха. Хэнк прекрасно знал, что следует делать в таких ситуациях. Уши цепко хватили каждый шорок, а глаза по крупинке просеивали ночную тьму. Нож и Топор прикрывали со спины. Им, конечно, было далеко до того из подопечных Тарана, что подавал наиболее высокие надежды. И, тем не менее, в Запретном Городе вся троица была похожа на тяжеловооруженный танк, окруженный деревянными колесницами. Наворочать больших дел не составляло труда.

Таран подошел к машине и остановился. Пассажирская дверца отъехала в сторону, не успев Хэнк даже руки поднять. Хозяин Подворья едва не отпрыгнул в сторону – к таким фокусам он не привык. Салон за проемом был пуст; ночную тьму рассеивала тусклая лампочка. Сжав кулаки, Хэнк обернулся к провожатому, но тот уже шел к месту водителя. «Адъютанты» также занервничали, ожидая команды. Таран был бы рад ее отдать, вот только не для того, в конечном итоге, он прибыл в сие гостеприимное местечко...

Поэтому недовольство пришлось запихнуть куда подальше.

Делать нечего. Они здесь гости.

Нагнув голову, Таран протиснулся в проем. Сиденье скрипнуло, захрустело под его задом. Нож сел у двери, Топор – напротив Хэнка. Оба, как, впрочем, и сам шеф, чувствовали, как позвоночник превратился в туго натянутую струну. Этим парням из Запретного Города палец в рот не клади, сразу не досчитаешься двух-трех привычных органов.

Наконец бледнокожий урод уселся на место водителя. Включился мотор – мощный, надежный и с толком настроенный, точь-в-точь антикварный рояль. В следующую секунду тонированные стекла облепила изнутри некая серая пленка. Она пребывала в непрерывном движении, и, казалось, пульсировала невидимым сердцем. Хэнк передернулся от неожиданности. Со всех сторон его окружал тот самый мертвый «снег», который Таран неоднократно наблюдал на каком-нибудь головизионном канале, когда вдруг исчезала картинка. Визитеры из Клоповника стали бешено вращать головами, однако повсюду, куда ни глянь, шел снег электростатических помех.

Будто бы внезапно началась зима.

Наконец Таран сообразил, в чем дело. Эта догадка не столь его возмутила, сколь позабавила. Каждое из широких стекол микроавтобуса – считая лобовое – представляло собою огромный экран. Жидкокристаллический ли, плазменный, не имело особого значения. Такую блажь Хэнк видал впервые в жизни. То ли у владельца денег куры не клюют, то ли тот был невероятным маньяком, который лишней минуты не мог провести без того, чтобы не впялиться в какой-то монитор... И, опять же, денег у него куры не клюют. Таран даже приблизительно не мог определить, СКОЛЬКО это стоит.

Машина мягко тронулась с места, качнулась на рессорах, куда-то вырулила и уверенно набрала скорость. Внешний мир скрывала непроницаемая завеса пепельного снега. Хэнку стало казаться, словно его закрыли в гробу со стенками из мертвых телевизоров. Переживание, что ни говори, очень странное. А на полу и крыше тем временем однообразно, монотонно и со знанием дела плясали белые отсверки.

«Адъютанты» беспомощно глядели на шефа.

Тот молчал. А что тут скажешь?..

Постепенно, тем не менее, он начал понимать того маньяка, который с такой любовью оборудовал свою машину. «Электростатический гроб» ограничил реальность до объемов автомобильного салона. Что там было такого вовне, что он, Таран, не видел, ради чего там стоило пренебрегать собственным временем?! Вместе с тем, «мертвый канал» – явное неуважение к гостям. Могли бы, – рассуждал Таран, – хоть «Дискавери» включить...

Замысел, однако, был не особо коварен. С тем же успехом можно было бы попытаться завязать пришельцам глаза, но... всего лишь попытаться. Если принимающая сторона осторожничала, с какой стати того же не делать гостям? Это будто бы само собой разумелось.

«Мертвый канал», – тужился Таран, – просто-напросто подчеркивал эти детали; «Дискавери» здесь не причем. Их пригласили для деловых переговоров, не для научно-популярных развлечений... Как бы там ни было, Хэнк по-прежнему не представлял, куда их везут. Бледнокожий субъект впялился в монитор бортового компьютера, который был виден только водителю. Незнакомец, похоже, не принимал никакого участия в управлении автомобилем. Экран отбрасывал тени и светлые полосы на пергаментную кожу, придавая парню (!?) еще больше сходства с поднявшимся из могилы мертвецом. /Таран не отвергал и такой возможности. В Клоповнике мамыши пугали детишек страшными сказками о монстрах, чудовищах из Запретного Города. Хэнк также не являлся исключением, – мать, в противовес нелепым рассказам, у него все же была. А теперь повзрослевший и окрепший Таран сам направлялся в гости к этим чудовищам, чтобы заключить с ними сделку.../

Хэнк непроизвольно сунул руку под куртку и нашарил рукоять пистолета. Помощники настороженно оглянулись, но шеф успокаивающе повел головой. Для поспешных действий пока еще рано. И, тем не менее, Таран готовился действовать в любую секунду, буде в том возникнет нужда. Тот идиот, что решится на подобную глупость, практически сразу сможет полюбоваться собственными мозгами, причем извне.

Помощники передали одно-единственное условие: по возвращении с ними должен прийти сам Хэнк Таран. Это, таким образом, ограничивало количество бойцов. А если хозяин Подворья что и успел извлечь из своей практики, так это то, что число – далеко не самое главное. Поэтому все трое загрузились оружием под самую завязку. Каждый имел с собой по паре пристрелянных стволов, а также ворох всевозможных колюще-режущих игрушек. Этого арсенала, по мнению Тарана, должно было хватить, чтобы должным образом аргументировать ответы в жарком диспуте.

Микроавтобус тем временем мчался по ночным улицам. Время от времени он поворачивал, и пассажиры, естественно, могли определить, в какую сторону их клонит. Хэнк принялся было считать повороты, но вскоре бросил это бесполезное занятие. Автомобиль вилял слишком часто, а потому владелец Подворья сбился со счета на второй дюжине.

Вместо этого он задался другим вопросом. Запретный Город был не столь велик – за это время его можно было пересечь вдоль и поперек. Следовательно, они либо кружились на месте, либо ехали в другое место. Если первый вариант был еще допустим (порой Таран также считал необходимым внести в обстановку толику дезориентации), то второй выглядел совсем уж нелепо... Но и его, тем не менее, не следовало сбрасывать со счета. Помощники также не представляли, куда их доставили в первый раз. Следовательно, искомое место могло (с трудом, но могло) находиться где-то в ином районе Гетто. Подумав так, Хэнк подивился причудливому ходу собственных мыслей. Запретному Городу нет особой нужды находиться в одном и том же месте, в одно и то же время... Ведь на это, в конце концов, он Запретный Город.

Погрузившись в философские изыскания на предмет целого, а также частей такового, Хэнк сам не заметил, как качка прекратилась. Микроавтобус застопорил ход. Белокожий субъект, не говоря ни слова, распахнул дверцу и выбрался наружу.

Помощники синхронно уставились на шефа.

Хэнк пожал плечами. Наступил один из тех редких моментов, когда он не знал, что им сказать. Гладиаторские бои – это хорошо. И все же, рисковать ради этого собственной шкуркой, тут, ночью, в Запретном Городе (что, впрочем, тоже далеко от ясности)?!

Во всяком случае, из Клоповника это казалось вполне здоровой и морозно-свежей идеей. В настоящий момент Таран так уже не считал. Сколь бы печально ни было ему это сознавать, но, судя по всему, он перехитрил себя самого. И все-таки, паниковать пока рановато.

Таран всегда ощущал себя настоящим бойцом. Встряхнувшись, он собрал всю волю в кулак. Если уж они здесь, следовало извлечь из этого максимальную пользу.

Ведь он, если на то пошло, Хэнк Таран!..

Собственной персоной.

– Ладно, вытряхиваемся, – проворчал он.

«Адьютанты» поспешно кивнули и оторвали зады от сидений. Хэнк повел толстой рукой – мол, не так быстро, – и придвинулся к парням (в этом, конечно, не было необходимости – если их «слушали», микрофоны наверняка могли уловить писк комара, не то что хриплый шепот):

/Как любой тренер, Таран считал своим долгом прочесть воспитанникам напутственный спич. Его смысл не имел принципиального значения. Главное – сильные интонации и уверенный тон./

– Главное – спокойствие, – велел он. – Достоинство, уверенность и скрытая сила. Не забывайте, КТО мы такие, и откуда мы явились. Таких парней здесь отродясь не видали. Девчонок из Гетто мы тут вряд ли найдем... – Помощники заухмылялись; Хэнк строго нахмурился. – Но, не сомневаюсь, здесь будут их деловые папаши (хотя тот экземпляр, – Таран кивком указал на опустевшее место водителя, явно выполз из какой-то пробирки). Будут проблемы – не церемониться, но и хамить не нужно. Молчите, во всем следите за мной. Короче, все как обычно. Понятно?..

Нож и Топор синхронно кивнули.

Хэнк кивнул в ответ. Он не сомневался, что они все поняли. Да и нужды в этой речи, по сути, не было, – за исключением внутренней потребности Тарана успокоить расшалившиеся нервы. Помощники не подкачают, если уж придется постоять за честь отчизны. Но никто из них и пальцем не шевельнет без команды, как отлично выдрессированный пес. Именно ими Нож с Топором являлись, – верными, откормленными псами.

– Все, пошли.

Таран откатил дверь в сторону. В салон устремился поток тусклого желтого света. Окна автомобиля погасли, сразу же превратившись в обычные тонированные стекла. Поэтому, прежде чем выйти наружу, Хэнк внимательно осмотрел внешнее пространство из бокового окна, в то время как помощники сторожили дверь.

Как оказалось, автомобиль стоял в просторном, мрачном помещении без окон и дверей – вероятно, в каком-то гараже. Таран отчего-то чувствовал, что от поверхности его отделяла энная масса грунта, бетона и металлических распорок. Внешних признаков для такой уверенности будто бы не было: вероятно, она являлась наследием тех подземелий, что образовывали под Клоповником подобие швейцарского сыра. В них-то юный Хэнк, еще и не помышлявший о Подворье, проводил значительную часть свободного времени. Поэтому бывший гладиатор ничуть не смутился, а, убедившись в отсутствии явной опасности, вышел в дверной проем.

Бледнокожий придурок маялся у переднего бампера.

– Сюда. – Он повел рукой.

Хэнк кивнул и двинулся вперед. Помощники, настороженно принохиваясь, соблюдали выверенную дистанцию в полтора метра – как меж собою, так и от шефа.

...Считанные секунды спустя Таран очутился в самом странном месте, где ему когда-либо доводилось бывать. Даже злополучный аттракцион из «чистого» Гетто, в котором стены заменяли голограммы высочайшего разрешения, не шел с увиденным ни в какое сравнение.

Весь предыдущий жизненный опыт, как оказалось, не подготовил Хэнка к этому дню. Поджав хвост и жалобно поскуливая, он /опыт/, ускользнул в самый дальний угол сознания. Там было тепло, темно и уютно, тогда как снаружи простирался настоящий кошмар. Чтобы выстоять перед этим натиском, внешне Таран уподобился скале. Стараясь, чтобы на усыпанном шрамами лице не дрогнул ни один мускул, хозяин Подворья шел вперед. Ведь, в конце концов, он привык смотреть смерти в глаза...

То, что он увидел, угрожало прежде всего не физически (хотя с этим тоже можно было поспорить). Воздействие оказывалось на психологическом уровне, и, вероятно, в первую очередь было рассчитано на пришлых дилетантов – каковыми, вне сомнения, являлась троица из Клоповника. Визитеров привезли не на какую-то там перевалочную пазу, а в самое сердце тайной организации, опутанное оптоволоконными кабелями и сервомоторами... Предположить иное означало допустить существование настоящего сердца, тогда как это место являлось придатком вторичным – печенью, почкой, а то и мочевым пузырем. Но в таком случае вообразить подлинные масштабы организации было бы не столь затруднительно, сколь невозможно. И, кроме того, Таран был не склонен сомневаться в собственных источниках. А те, в свою очередь, не сообщали ни о готовящемся Восстании Машин, ни о батальонах их прислужников... Если не считать самого существования Гильдии Оружейников, которая также стояла на учете у легавых, характеризуясь как «стабильное, малочисленное образование с консервативными устоями и лимитированным финансированием». Теперь же Таран видел, что Главному Департаменту Полиции следовало срочно обновить сводки и картотеки.

Создавалось впечатление, словно Гильдия окопалась в Запретном Городе всерьез и надолго. На языке крутилось подходящее слово – плацдарм. Вот только ДЛЯ ЧЕГО?..

В Клоповнике всегда был пруд пруди всевозможных сект, тайных обществ и лож. Попытаться сосчитать их все было делом утомительным, неблагодарным, и заранее тщетным. Большая часть таких группировок возникала, преобразовывалась и исчезала еще до того, как над Куполом сменится месяц. Порой они без особого шума сливались и перетекали друг в дружку, но, как правило, вновь посвященные разбегались, словно тараканы, когда от братства и взаимной помощи оставалась только расчетливая демагогия «духовных отцов». Эти общества были готовы верить в кого и во что угодно – до тех самых пор, пока одиночки не желали быть одни, а кое-кто более смысленный не считал, что может использовать их в своих интересах.

Таран повидал всего этого достаточно, чтобы не принимать логи и секты всерьез. Но Оружейники – это что-то иное. Организованный пчелиный рой рядом с кучкой навозных жуков.

О Гильдии ходила слава, которая могла считаться как дурной, так и весьма прогрессивной. В частности, утверждалось, будто каждый ее член (изначально – полноценный homo

sariens) стремился запихнуть в собственное тело как можно большее количество электронных штукювин (нередко – без очевидной нужды, – в ущерб белковой материи). Колония, коммуна и сообщество киборгов. Еще же утверждалось, что Оружейники не даром так назывались. Неважно, каково было их положение в Запретном Городе, – они не слишком-то стремились к светской или прочей власти. Они держались особняком, и никто не смел потревожить их покой (безнаказанно).

Киборги считались большими мастаками по части того, что касалось различных электронных игрушек специфического назначения. Большая часть этих изделий была эксклюзивной. Не имело значения, нуждались они в управлении, или подлежали классификации по каталогам «Автоматизации и искусственного разума». Большая часть этих штукювин преследовала одну-единственную цель – взорвать, расстрелять, разрезать, разорвать, расчлнить, выжечь, вспороть и разложить на атомы любого собрата по расе (равно как и его транспортные средства, жилища, прочие материальные объекты). Следует отдать им должное, в этом приискании Оружейники немало преуспели.

Тарана мало интересовала Гильдия как таковая. Ему было глубоко плевать на то, в каком состоянии находились их биологические (?..) тела. От киборгов, – независимо от того, каким количеством холодного или огнестрельного барахла ни напшиговали собственные задницы, – на арене против Страйкера будет проку немного.

Поэтому Хэнк рассчитывал отыскать нечто иное.

И с каждым шагом убеждался, что успех гарантирован.

Прежде всего, гостей встречали колоссального вида ворота. У обеих косяков на суставчатых штативах торчали шестиствольные пулеметы. Одна короткая очередь, казалось, могла распылить на молекулы все живое в пределах километра.

Но то, что простиралось за створками, будто вышло из ночного кошмара спятившего инженера. Это была другая реальность, и Таран с трудом верил, что когда-нибудь попадет в ту, где его разум чувствовал себя более-менее привычно (о каком-либо комфорте, разумеется, говорить не приходилось). Человек, венец природы и МВВ (Мера Всех Вещей) служил здесь всего лишь придатком. Балом правили машины. В обители Оружейников механика и кремний не довольствовались скромными корпусами из нержавеющей стали, но стремились к каким-то новым путям реализации собственной сущности... Таковая, по сути, была представлена информацией в чистом виде – алгоритм и двоичный код, скопированные на другой носитель, не переставали быть таковыми. Но то, что увидели гости из Клоповника, заставляло усомниться в реальности всего окружающего. По мнению Хэнка Тарана, видевшего подобное разве что в кино (да и то пару раз), это был просто дурной сон.

От которого, однако, было невозможно проснуться.

Хэнк проходил мимо помещений, в которых машины функционировали, ремонтировались, спаривались и размножались. Это был чудовищный грибник, питательная среда для смертельных вирусов. Машины создавали машины, в чем можно было проследить определенную цель (если, конечно, отринуть все человеколюбивые и недалекие теории касательно того, что лишь Номо sariens имел право на реализацию эволюционного потенциала) – Отбор и Развитие. А также зачатки Общества: если пройтись виртуальным взглядом вдоль оптоволоконных каналов, и хотя бы глазком узреть глубины Сети. Обыкновенный холодильник с автономным процессором мог поддерживать контакт с сотнями тысяч собственных копий, не говоря о фабрике-производителе. Это – Разделение Труда. Если нет предела совершенству, то...

Хэнк проходил мимо и через помещения, в которых тела обычных людей висели у потолка в прорезиненных коконах, из которых вместе с конечностями выглядывали оптические коннекторы. И женщины, и мужчины были беременны киберпространственными деками, что лежали в специальных мешочках. Из черепов торчали нейро-шунты. Глаза белели закатившимися яблоками, рты были беспомощно распахнуты.

По мнению Тарана, все эти люди не отличались от трупов. В Клоповнике киберпространство было редкой роскошью, каковая требовала много свободного времени, а также стабильное отключение органов чувств – куда более надежное, нежели обычный сон. Пока оператор будет блуждать в Сети, «снаружи» его незащищенное биологическое тело вполне успели бы ограбить, или вовсе лишит брэнной жизни... Да и не наблюдалось у аборигенов Клоповника, как ни крути, особой потребности в кибер-сетях.

Еще Хэнк видел: 1) комнаты, в которых стены были покрыты гигантскими проекционными мониторами. Несколько молодых парней внимательно изучали бегущие одна за другой строки. Губы шевелились, в глазах отражались какие-то сложные символы. Помедлив мгновение в раздумье, Таран прошел мимо. Даже самый вышколенный и тренированный разум не может тягаться с компьютером в восприятии информации. Однако, программировать можно и его... 2) Комнаты, где голограммы отображали проявления Стада – рождение, плоть, кормежку, секс, смерть, – группа же детишек, сидя на полу, созерцали сей познавательный фильм. 3) Комнаты, где люди были неразрывно соединены с машинами. Протезы и имплантанты перешли ту стадию, на которой являлись просто придатками. Можно было без стеснения заявить, что это человеческое тело стало придатком. Оно вырабатывало тепловую, кинетическую, синоптическую, и даже электрическую энергию, что позволяло электронно-кремниевому симбионту не нуждаться в дополнительных «батареях». Человек и Машина превратились в единый Организм, от созерцания которого Тарану хотелось блевать. Большая часть сцен вызывала животный ужас, отвращение и горечь за человеческий род (каковая была будто бы Хэнку прежде не свойственна)...

Наконец они вышли в просторный зал с колоннами, упиравшимися в высокий – выше Ямы, – потолок. По стенам то и дело пробегали желтые вспышки. Они извивались /под прямыми углами/, будто длинные скользкие черви, перетекали одна в другую, образуя схематичные изображения электронных схем. На потолке плясали голографические огни, которые давали не столько света, сколь скрывали люминесцентные светильники. Тем не менее, их явно не хватало, чтобы разогнать тени по дальним углам; холодный полумрак являлся частью декора в той же мере, что и колонны, червяки-схемы на стенах и голографические огни под потолком.

Водитель микроавтобуса остановился и с явным раздражением покосился на Тарана.

Владелец Подворья замедлил темп, однако продолжал шагать вперед. Несмотря на то, в какой шок повергло его увиденное в Гильдии, Хэнк напустил на себя вид заведомо недовольного ревизора, которому уже не терпелось составить парочку актов.

В центре зала стояли пятеро мужчин, одетых по местной моде в неизменное черное. Все были бледнокожи, как водитель. На худых лицах, обтянутых белой, как бумага, и столь же тонкой кожей, выделялись только глаза. Трое носили такие же очки, как водитель. Глаза же двух остальных горели внутренним огнем, точь-в-точь вытянутые из жаровни угли, и, казалось, жили какой-то собственной жизнью.

Одежда не поражала изысками моды, – костюмы, а то и рабочие комбинезоны с блестящими от машинного масла рукавами. Отчего-то Тарана это сперва озадачило, но затем он решил, что в Гильдии Оружейников вовсе не обязательно облачаться в балахоны из черного шелка, расшитые фосфоресцирующими в темноте алгоритмами.

Один бледнокожий стоял в центре, четверо остальных образовывали своего рода фланги. Однако, Хэнк и без этого бы догадался, кто тут самый главный. Оружейник не выделялся ни ростом, ни шириной тщедушных плеч (в Гильдии, судя по всему, определяющим достоинством являлась вовсе не внешность). Лицо было таким же костистым и вытянутым, как и у остальных. И, что интересно, биологический возраст оставлял лишь догадки. А это уже начинало действовать на нервы...

Таран слышал немало историй о нравах Запретного Города. Оружейники, похоже, принимали этот фольклор в качестве прямой инструкции. В частности, утверждалось, что синте-

тические наркотики были здесь в большом ходу, нежели белковая пища. Это, конечно, было явным преувеличением, – ничто не заменит прожаренную на углях отбивную из клонированной свинины. Но в то же время, киберпространство и психотропные средства всегда шли рука об руку. Здесь же, в самом сердце Гильдии, Хэнк смотрел на гладкие лица без каких-либо морщин, раздражений и даже щетины, сознавая, что фольклор Мегаполиса утаил немало секретов.

Мужчина, стоявший в центре, был одет в черный костюм строгого покроя с широкими, по нынешней моде, рукавами. За правым ухом пульсировал какой-то диод зеленого цвета (вероятно, заглушка шунтированного гнезда). Но внимание привлекало вовсе не это.

Оружейник был без очков. Глаза его, казалось, принадлежали совершенно разным людям – они не соответствовали друг другу ни по цвету, ни даже по размеру. Один был серым, словно штормящее море, другой – воронова крыла. Еще они время от времени глядели в различные стороны, что совсем уж выходило за рамки. Создавалось впечатление, будто, помимо самого Оружейника, визитеров рассматривал еще и невидимый кукловод. Он сидел у своего монитора и крутил джойстиком...

Но даже странные глаза были признаком второстепенным. Хэнк не столько увидел, сколько почувствовал. От худого субъекта в черном костюме исходила столь интенсивная аура, что, казалось, ею был заполнен весь зал. Даже Курт – непобедимый «волчонок», – наверняка терялся бы на этом фоне. А впрочем, его энергия была совсем иная. От Оружейника же исходила аура власти и зловещей силы, которая поступала из других источников – хотят они того, или нет – тогда как Волк вырабатывал силу сам по себе. Таран никогда не ощущал подобного, и теперь ежился от ментального холода.

Вот Оружейник повернул голову, и взгляд Тарана выхватил из полумрака два черных провода. Они начинались то ли на затылке бледного субъекта, то ли на шее, чтобы уйти куда-то за воротник. Не исключено, – решил Хэнк, – что там находился какой-нибудь мощный передатчик. Благодаря ему Оружейник мог не только общаться со своим «кукловодом» – использовать далеко не второстепенную в Гильдии фигуру в качестве «батарейки» было бы чересчур расточительно – но и, вероятно, круглосуточно ощущать себя в качестве автономной частички Сети. Это было трудновыполнимо, однако вполне возможно (как правило, в лабораторных условиях, потому как стоило баснословных денег). Хэнк с удрученным негодованием представил, как Оружейник черпает информацию из киберпространства в этот самый момент, пребывая в обеих реальностях одновременно.

Кошмар экзаменатора.

Хозяин Подворья сам не заметил, как начал именовать этого субъекта про себя Хамелеоном. В Клоповнике его, без сомнения, наградили бы каким-то прозвищем поплоше.

Будто прочитав мысли гостя, Оружейник открыл рот:

– Приветствуем вас, господа. – Голос оказался на редкость противным, густым, липким и скрежещущим, точь-в-точь смазанные маслом шестеренки. Казалось, в горле Хамелеона обустроилась очередная машинка. – Надеемся, путешествие было комфортным?..

Таран нахмурился, затем косо взглянул на помощников.

Те пожали плечами: мол, мы же тебя, шеф, предупреждали... Теперь расхлебывай сам.

– Разумеется, – кивнул Хэнк. – А у вас тут... любопытно.

– Верно. Так все говорят, когда впервые попадают в эту скромную обитель. – Оружейник не слишком убедительно изобразил улыбку. – Мы очень рады, что вам она пришлась по вкусу.

Хэнк хотел было брякнуть, что был бы рад вовек ее не видеть, передумав в самый последний момент. Особо его насторожила фраза про «первый раз», подразумевавшая, как ни крути, все последующие разы. Но упоминать об этом тоже не стоило. Таран успел решить, что с радостью предпочтет забыть о своей идее, вместо того, чтобы посетить «скромную обитель» еще хотя бы раз. Наплевать на любые затеи.

Однако, необходимость юлить и скрывать свои мысли несколько смущала прямолинейный ум.

– Может, покончим с любезностями, и перейдем непосредственно к делу?! – раздраженно ответил он. – У нас, знаете ли, еще немало дел. Каково ваше слово? Согласны?..

Хамелеон вновь скривил губы. Глаза прищурились. Серый – с небольшим опозданием. Оружейнику не требовалось ни глядеть на свою свиту, ни что-либо произносить. Его мысли были понятны без слов: хамье из Клоповника, ожидать чего-то иного попросту глупо. Впрочем, кто-то, скрывавшийся за кулисами сцены, наверняка получил это послание. О контрагентах аборигены были не особо высокого мнения.

Но Таран на это плевал.

Он всегда был патриотом Клоповника.

– Как пожелаете. Наше имя – Гильд-Мастер Фэннингтон. Вас зовут Хэнком по прозвищу «Таран». Ваши товарищи представились в свой предыдущий визит как Нож и Топор. Все правильно?..

Хэнк кивнул. Гильд-Мастер говорил о себе во множественном числе, будто о королевском величестве. Это, с другой стороны, лишь подтверждало некоторые догадки Тарана.

– Мы изучили ваше предложение. – Оружейник пожал тощими плечами. – Не сомневайтесь, оно нас сразу же заинтересовало. Только сперва мы хотели бы уточнить пару моментов. – Хамелеон помолчал; Хэнк достойно выдержал паузу. – Насколько мы все поняли, вы желаете использовать одно из наших... изделий в каких-то соревнованиях, не санкционированных властями, и потому проводимых подпольно?..

– Гладиаторские бои, – озадаченно брякнул Таран.

– Как в Древнем Риме?.. – Гильд-Мастер заинтересованно повел головой. – В таком случае, не поймите нас превратно, эти бои должны иметь в качестве основы оружие и физическую силу. Верно?

– Разумеется, тресни моя селезенка, – проворчал Хэнк. – Это не шахматный клуб – парни делают друг другу больно. Они погружаются в Яму, как в Колизей, и пытаются вытрясти друг из друга душу.

– Иными словами, – медленно продолжил Фэннингтон, – хотя мы, конечно, можем ошибаться, эти бои заканчиваются смертью одного из бойцов? Советуем как следует обдумать ответ.

Таран мгновение помедлил. Что здесь думать?! Врать, как бы там ни было, все же не стоило.

– Практически всегда, – кивнул он. – Однако, по согласованию сторон, бой может прекращаться с первой кровью. Это, разумеется, в нашем с вашим случае абсолютно неприемлемо. Поединок окончится только в тот момент, когда один из бойцов получит столь серьезные раны, что будет не в состоянии продолжать, или... выйдет из строя. Если вы не согласны, скажите, и мы не станем отнимать ваше время.

Хамелеон хранил молчание.

Зеленый диод за ухом не прекращал назойливо пульсировать. Тире, тире, тире, точка.

– Почему же, именно это нас и устраивает, – сказал наконец Фэннингтон. – Мы принимаем все перечисленные условия. Поединок должен закончиться фактической гибелью одного из противников, и ничем другим. Мы готовы представить наше... изделие.

Хамелеон не произнес ни единого слова, не обернулся и даже не шелкнул пальцами. Но огромная дверь в противоположном конце зала медленно отъехала в сторону.

Челюсть у Тарана безвольно отвисла.

Такого он не ожидал.

Возможно, какую-то хреновину с шарнирами и сервомоторами, с которой свисали бы мотки разноцветных кабелей – пожалуй. Это было похабно, относительно дешево, и более-

менее приемлемо. Сей образ Таран почерпнул из десятков кинофильмов. Увидеть такое было вполне предсказуемо. Толпа клюнула бы на это с превеликой охотой.

Это было еще туда-сюда.

В конце концов, даже допотопный «Терминатор».

Но – никак не это.

В зал въехало, гудя моторами и скрежеща гусеницами, стальное чудовище. Широко расставленные красные глазищи ярко пылали. Суставчатые конечности свисали по обе стороны «тела».

Монстр пересек зал и остановился рядом с Оружейниками.

Таран с опаской отступил.

– Что, парни, никак на войну собрались?! – пробормотал он. – На таком-то танке...

Гильд-Мастер оглянулся, будто убеждаясь, то ли «изделие» они представили визитерам из Клоповника. Хэнк искренне надеялся, что не то. Что за дверью дожидалось «изделие» попроче... Без такого количества режущее-колющее, сверлящего, и прочего вооружения.

– А мы и так на войне, – заметил Оружейник. – Мы, вы, все остальные. Это, просим заметить, война со всем миром. Все против всех. Каждый сам за себя. На улицах ни на день не прекращаются партизанские стычки. Государство и власти – против обывателей.

– Ну а мы-то при чем?..

– Вы, глубокоуважаемый Таран, – терпеливо пояснил Хамелеон, – разумеется, также являетесь частью этой войны. Как, впрочем, и кто-либо другой из присутствующих. Однако, все мы в той или иной степени ограждены, так сказать, от непосредственных военных действий. Мы – за счет Гильдии. Вы – за счет своих гладиаторов, помощников и прочих ресурсов. Но многие в Мегалополисе лишены подобных возможностей... Мы готовы предоставить этим людям возможность – не более того, ведь все относительно, – защитить себя и своих близких. Однако, Гильдия никогда не была склонна к каким-то авантюрам и поспешным решениям. В данной связи Клоповник представляется нам идеальным местом для испытаний.

– Что-что?..

Фэннингтон повел рукой, указывая на монстра:

– Позвольте представить вам модель 21КН-2. Это – автоматизированный комплекс с зачатками искусственного интеллекта, осуществляющего саморазвитие и принятие самостоятельных решений в любой критической ситуации. Его назначение – охранные функции. Помимо этого, комплекс может осуществлять ряд полицейских полномочий, как то: патрулирование территории, задержание правонарушителей... И, вероятно, пресечение массовых беспорядков. – Гильд-Мастер вновь смерил взглядом стального монстра. – Однако, как я уже говорил, это нуждается в дополнительной проверке. Ваши бои, по нашему мнению, идеальное средство.

Таран молчал, разглядывая модель 21К... как там его. Мысль о том, что он перехитрил самого себя, была уже не актуальна.

Поэтому он не придумал ничего иного:

– Ни о каких испытаниях мы не договаривались. Чего-нибудь... попроче у вас не найдется?..

– Не найдется, – отрезал Оружейник с поспешной прямоотой. – Но, если бы нашлось, это не имело бы никакого значения. Ваше предложение заинтересовало нас в прямой и четкой связи. Мы не склонны к развлечениям подобного сорта. Обещанный гонорар не идет ни в какое сравнение с нашими основными доходами, – это нам не интересно. Если бы не единственное обстоятельство, вы не стояли бы в настоящий момент перед нами. Наше изделие без труда обезвредило бы всех ваших гладиаторов, а также десяток-другой зрителей. Это было бы слишком просто. А потому мы не нуждались вы в ваших услугах, простите за откровенность.

– Так отчего же?.. – спросил Таран, предчувствуя ответ.

Ответ последовал тотчас же:

– Ваш новый боец, мастер Таран. Метаморф.

– Откуда... – Хэнк метнулся взглядом по сторонам. У Ножа с Топором был такой же озадаченный вид. Они не имели права разглашать подробностей – Таран строго-настрого запретил.

Гильд-Мастер молчал, улыбаясь.

Хэнк едва язык не проглотил. И впрямь, он успел позабыть, с кем разговаривает. Информация так и витала вокруг. Тот, кто умеет, без труда возьмет ее из воздуха.

В конце концов, не имело значения, знали Оружейники о «волчонке», или же нет.

Однако, еще можно было кое-что переиграть.

Придя в себя, Таран спросил:

– Почему вас заинтересовал именно Волк? Не кто-либо другой?..

– По-моему, мы все ясно изложили. – Гильд-Мастер прищурил серый глаз, будто целясь в Хэнка. Тон «изложения», нужно отметить, претерпел порядочные изменения с начала беседы. – Андроид нуждается в финальном испытании. Ваш метаморф представляется нам наилучшей кандидатурой. Мы и прежде пытались разыскать взрослую особь из Волчьего Племена... – Оружейник неестественно дернул головой, отчего в поле зрения вновь появились черные провода. – ...тем большим сюрпризом послужило известие, что таковой экземпляр объявился не где-нибудь, а почти под боком...

Хэнк кивнул. Как и следовало ожидать, о намерении что-либо переиграть можно забыть.

– Понимаю, вы хотите испытать вашего... монстра в поединке с Волком. – Хозяин Подворья указал в сторону неподвижного андроида. – Лучшей кандидатуры вам и впрямь не сыскать. Вот только... – Таран обдумал слова. – Мне показалось, или вы действительно сказали, будто деньги... вам ни к чему? Простите, но в это слабо верится...

– А вот это – уже ваши проблемы, господин Таран. Верите вы или нет – но Гильдия не заинтересована в подобных доходах. Вы вольны распоряжаться всей полученной выгодой по собственному усмотрению. – Оружейник замолк, будто вновь советуясь с кем-то невидимым. – Больше того, мы готовы принять на себя финансирование проекта, решение различных текущих проблем – любого рода – а вы займетесь подготовкой метаморфа. В наших обоюдных интересах, чтобы Волк пребывал в своей наилучшей физической форме. Подтасовки, просим это учесть, нам ни к чему.

– Само собой, – кивнул Таран. Проигрыш Волка, как ни крути, был не в его интересах. – А этот ваш... Двадцать один, К...

Гильд-Мастер качнул головой:

– Волкодав. Так будет проще.

Вздрогнув, хозяин Подворья перевел взгляд на вышеупомянутого монстра. Бронированная плита отодвинулась в сторону, – за нею обнаружился скромных размеров монитор.

На нем вспыхнули два раскосых глаза.

– М-да... – брякнул Таран.

– Вы о чем-то собирались спросить? – участливо поинтересовался Хамелеон.

Признаваться в том, что он об этом попросту забыл, было явно не к лицу. Пришлось импровизировать:

– Тестирование робота – это ясно, – прокашлявшись, сказал Таран. – Только при чем здесь тот треп о войне и защите личности? Простите, но я не совсем представляю, каким образом такой волкодав способен разрешить эти проблемы. Он не очень-то похож на политика.

Гильд-Мастер не стал вымучивать ответ:

– Согласен, однако при чем здесь политика?.. Когда гремит оружие, законы молчат. Когда вооружены все – это полномасштабная война, которая когда-либо сменится миром. Однако,

пока существуют невинные и безоружные, война не остановится. Речь идет о конкретном оружии, которым простые граждане могли бы защититься от анархии и хаоса. Не нужны ни укрепленные блиндажи, ни десятки охранников (от которых в критический момент все равно мало толку). Вот это оружие. – Тощая рука протянулась в сторону андроида. – Идеальный боец, и идеальный товарищ. Он не просит еды, если не считать зарядки батарей. Ему не нужно платить заработную плату, не нужно выгуливать, не нужно интересоваться, как у него дела, и каково здоровье детишек. Он не предаст, не обманет ваших ожиданий, и не забудет явиться в назначенный час. Он всегда будет рядом, когда вам это понадобится. Его огневой мощи хватит, чтобы разрешить в вашу пользу любой спор...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.